

МИХАИЛ
КАПЕЛЬКИН

СЕРГЕЙ
КАРЕЛИН

- КНИГА 3 -

ИЗ ЗОЛОТА

В СВИНЕЦ

Сергей Карелин

Из золота в свинец 2

«Автор»

«Автор»

2026

Карелин С. В.

Из золота в свинец 2 / С. В. Карелин — «Автор», «Автор», 2026

Вы слышали про Философский камень? Я им дорожки в саду посыпал. Был лучшим алхимиком, но последним зельем превратил своё тело в оружие против Порчи, грозившей уничтожить всё живое. По воле богов или случая я не погиб при этом, а оказался в теле лаборанта-неудачника, в мире, где алхимия под запретом, коллеги выродились в шарлатанов, повсюду Порча, а бал правят фармацевтические компании, которых больше волнует прибыль, чем жизни людей. Но теперь я здесь, при мне знания и навыки Верховного Магистра Алхимии. А это значит, что я вновь буду заниматься любимым делом и покажу, что алхимик – это не профессия. Это образ жизни.

© Карелин С. В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	60
Гла	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Михаил Капелькин, Сергей Карелин

Из золота в свинец 2

Глава 1

Ау. То есть, ау! Так больно, словно меня через мясорубку пропустили, а потом попытались прокрутить назад, и вот где-то посередине я застрял.

Перед внутренним взором пронеслись последние секунды, которые запомнил. Белый туман и Порча. Много Порчи. Столько за раз в этом мире я еще не поглощал. Но тело, похоже, выдержало! И продолжало выдерживать. Я же мыслю — значит, существую.

Порча все еще пронизывала все мое тело, но оно справлялось, потихоньку фильтровало магию, очищая ее. Делалось это практически на рефлекторном уровне. Похоже, какие-никакие мои тренировки все же укрепили организм.

Для меня-старого такое количество вредоносной энергии было бы крохотной каплей в океане. Я бы даже не почувствовал.

— Исаев! — вдруг понял, что меня трясут. — Максим!

— Кажется, он не дышит... — раздался другой голос. Тоже женский, как и первый.

«Хлебникова», — вспомнил я.

— Я знаю, что делать! — отвечала Алиса.

Мягкие губы впились в мои, и в легкие ворвался поток теплого воздуха. С дикой болью совершил вдох.

Надо же, и правда не дышал.

Открыл глаза, увидел над собой лицо Селезневой. Позади нее в поле моего зрения заглядывала обеспокоенная Марина. Все вокруг плыло и двоилось, к горлу подкатывала тошнота.

— Похоже, у него сильная интоксикация, — поправляя очки, сказали две Марины Хлебниковы. — Скорая уже едет сюда.

— Я в порядке... — попытался прохрипеть, но вдруг мое тело буквально подбросил сильный позыв, я перевернулся, и меня вывернуло наизнанку зеленой жижей.

— О боже... — сдавленно простонала Алиса.

— Очень сильная интоксикация... — подытожила Марина. — Или просто ты, Селезнева, зубы плохо чистишь.

— Что?!

А меня еще несколько раз вывернуло, прежде чем я почувствовал себя лучше. Организм вывел всю Порчу, осталась только чистая магия. И неплохое количество для меня нынешнего. Но такой способ ее получения мне не очень нравился.

— Ладно, девчат, теперь я точно в порядке, — все еще сиплым голосом изрек и сел, тяжело дыша.

Огляделся. Следов белого тумана с Порчей больше не осталось. Все трое мы находились в тепличной части, где росли кусты помидоров. Похоже, пока распыленный пестицид не исчез из воздуха, я продолжал лежать. Только потом, когда открылась дверь предбанника, девушки смогли добраться до меня и привести в чувство.

Сейчас они обе находились рядом. Алиса морщила нос и старалась не смотреть в сторону результатов моего отравления. Хлебникова, вновь овладевшая собой, лишь порой равнодушно скользила по ним взглядом. Она сидела, опираясь спиной на створку двери, и, подогнув правую, раненую ногу, держалась за распухшую лодыжку. Рядом лежала рация.

— Вы точно в порядке, господин Исаев? — спросила Марина. — Если новый фунгицид настолько токсичен для вас, нужно отправить его на доработку. А за вами внимательно наблюдать. Неизвестно, какие еще последствия могут возникнуть после отравления.

— Я точно в порядке. А пестицид этот, пожалуй, действительно нужно отправить на доработку. Или вообще закрыть его разработку.

Особенно если учесть, что в составе есть Порча. Пока не уверен, но, возможно, это все тот же синтопиозин. Чем меньше людей попробуют овощи, выращенные с его помощью, тем лучше. Так что вывернуло меня тут не зря. Главное — правильно это использовать.

— Кто знает, у скольких человек может возникнуть такая реакция на него, верно? Или на овощи, обработанные им.

— Согласна, — хором ответили девушки.

— Как нога? — кивком головы указал на лодыжку Хлебниковой.

Она слегка смутилась, блеснув стеклами очков, на бледных, слегка впалых щеках вспыхнули румяные кружочки.

— Все в порядке. Спасибо. Не знаю, что было бы со мной, получи я пестицид в такой концентрации.

Вскоре приехала скорая, и на лодыжку Хлебниковой наложили повязку. В принципе, на этом наша работа сегодня была закончена. Я от осмотра отказался. Не видел в нем смысла. Анализы ничего не покажут, и это может вызвать ненужные вопросы. Токсин на то и токсин, чтобы отравлять живой организм. Мой с токсинами и Порчей прекрасно справляется сам, что может вызвать к моей персоне лишнее внимание.

— Господин Исаев, мы приносим вам глубочайшие извинения! — тараторил представитель графа. — Это... просто сбой автоматики. Конечно же, она должна была оповестить вас заранее. Мы обязательно разберемся в случившемся и накажем виновных. Если вам что-нибудь понадобится, любая медицинская помощь, граф Селиванов будет рад вам ее оказать!

— Если что, дам знать, — позволил себе кривую улыбку.

Слуга графа боялся, что юристы «Воронов» начнут кошмарить его господина из-за этого. Они могут, но это уже не мои проблемы. Не у меня автоматика сбоит.

Видя мою спокойную реакцию, помощник Селиванова самую малость успокоился.

— Не знаю, важно ли это для вашей компании, но наверняка важно лично для вас, как, несомненно, честного и порядочного человека... С нашей стороны мы отзовем у дистрибьюторов партии всех овощей, выращенных в этой теплице. Чтобы больше никто не пострадал. Благодаря вам мы узнали об опасности этого пестицида... Даже боюсь представить, сколько исков полетело бы в сторону его сиятельства графа. Можно сказать, вы нас даже спасли!

— Ага, можете, не благодарить, — одарил я слугу кислой ухмылкой. — Только зачем вы вообще продавали эти овощи до окончания испытаний?

Не дождавшись ответа от слуги, мы сели в нашу машину и поехали назад в «Воронов». Путь занял еще два часа. Обычно говорливый Пантелеев сегодня молчал, только иногда бросал в мою сторону косые взгляды.

Да, выглядел я не лучшим образом. Бледный, всего слегка трясет. К счастью, это временный эффект. К вечеру отойду.

— Честно признаться, — заговорила сзади Хлебникова, — я ожидала несколько более скучный первый день. Часто у вас такое случается?

— Я работаю всего третью неделю, — задумчиво ответила Алиса. — Но за эти три недели Исаев уже два раза чуть не умер. Так что, пожалуй, да, часто.

Это они еще не видели, что со мной было, когда я попробовал зелье, от которого умер бывший хозяин этого тела.

В зеркале заднего вида Хлебникова покачала головой.

Вернувшись в офис, помог Марине добраться до нашего кабинета. Наступать на травмированную ногу ей было еще больно. Оставил девушек разбираться с отчетом, а сам первым делом пошел в кафетерий. Аппетит проснулся просто зверский. Организм потратил кучу энергии на фильтрацию Порчи и теперь требовал ее возместить.

Набрал себе целый поднос еды и сел все за тот же столик. Людей в четыре часа после полудня было еще меньше, чем обычно.

Хорошо, что девушки списали мое состояние и цвет рвоты на пестицид, не стали задавать лишних вопросов. Хотя, возможно, это еще впереди. Хлебникова, как работник отдела качества, весьма наблюдательная. Но кто же знал, что меня так «накроет» от этого средства против фитофторы. Надеюсь, что мне это не аукнется. Собственно, это все, что я сейчас мог делать, — надеяться.

С другой стороны, это отравление Порчей легко можно обернуть в свою пользу. Я чувствовал, что по организму курсирует магия. Ее можно пустить в дело, приготовив хорошее укрепляющее зелье. Если все сделать правильно, то в будущем отравление Порчей не будет так сильно сказываться на мне. Зависит от количества, конечно, но...

В любом случае новое зелье готовить дома не хотелось. Здесь, в местной лаборатории, тоже. Все же напрягает меня пропавшая пробирка. Пора искать новое жилье или отдельное помещение для лаборатории.

За раздумьями не заметил, как съел все без остатка. Уже собирался уходить, как ко мне вдруг подседа Наташа, сияя своей ослепительной улыбкой.

— Ты снова здесь! — помахала она ладошкой.

— Как и ты... Большой босс снова на обеде?

— Ага, так что и я могу позволить себе перерыв.

— А я уж думал, ты меня преследуешь, — хмыкнул, допивая свой кофе.

— Все может быть, генерал, — подмигнула Наташа, пряча улыбку. — Выглядишь так, будто тебя поезд переехал.

— Это просто моя обычная среда, — хмыкнул, вставая. — Извини, нужно идти — работа не ждет.

Секретарша надула губки, оперевшись щекой на выставленную руку.

— Ну вот, а я думала, снова поболтаем. Я начала к этому привыкать.

— В другой раз, — пожал плечами и ушел, попрощавшись с девушкой.

Мне и правда стоило вернуться в лабораторию. Вдруг, пока меня не было, вернулся Бойлеров. Интересно, как он отреагирует на новость, что новый пестицид работает плохо? Или его больше заботит постоянный привкус яичного латте во рту?

Через несколько минут вернувшись в лабораторию, понял, что мое второе предположение оказалось более верным. Вся мусорка в кабинете была завалена стаканчиками из-под кофе из разных кофеен. Они лежали горкой и рассыпались вокруг, окропив пол ворохом коричневых капель.

— Исаев... — произнес красный от гнева Бойлеров.

— Иван Степанович. Девочки уже рассказали про нашу поездку?

А дальше начальник сказал то, чего я никак не ожидал:

— Да. Я рад, что все свершилось именно так.

Ничего себе! Нет, я понимаю, что между нами негласное противостояние, но нельзя же настолько ненавидеть своего соперника!

— Я изначально писал в своих отчетах, что данная формула может быть опасна для людей. Ты это успешно доказал. Хвалю, девочка моя. На сегодня можешь быть свободен, разрешаю.

Взглянув на часы за его спиной, искренне возмутился:

— Так осталось всего пять минут!

Бойлеров натянуто улыбнулся и развел руками, мол, ой, какая неожиданность! Ладно, зато не у меня вкус яичного латте все время во рту.

Конечно, я не побежал сразу собираться домой. Были еще дела. Зато девушки решили не задерживаться. Алиса уже переодевалась возле шкафчиков, а Хлебникова была скрыта от меня своим рабочим местом. Я решил на всякий случай поинтересоваться, как у нее дела.

— Может, тебе помочь добраться до дома? — спросил, подходя к ее столу.

Марина сидела, задрав больную ногу на колено здоровой. Туфля стояла на полу рядом, а закатанная штанина брюк оголяла распухшую лодыжку. Хлебникова в недоумении вскинула бровь.

— Господин Исаев, я благодарна за мое спасение, но ходить и опекать меня, как маленькую девочку, нет нужды. Не забывайте, у меня есть доступ к лучшим лекарственным решениям нашей компании.

Она взяла со стола тубик с какой-то мазью и нанесла ее на больное место. Опухоль сразу пошла на спад.

— Чем бы дитя не мазалось, лишь бы не плакало, — переиначил я местную поговорку и пожал плечами. — Знаешь, если бы можно было отмотать время назад... — а я, кстати, знал одно такое зелье, жаль жутко сложное и дорогое, — я бы все равно помог тебе добраться до дверей. Только ускорение придал бы более эффективным способом. — Похлопал себя по ноге и мило улыбнулся.

Губы и глаза Хлебниковой превратились в недовольные полоски.

— Ребят, у меня есть классная идея! — подскочила к нам Алиса. — А давайте отметим наше с Исаевым прохождение испытательки и назначение Марины? А? Это же классный повод! Неподалеку как раз открылось крутое заведение! Вы как?

— Не сегодня! — грохнули мы с Мариной одновременно.

— Ого! Ладно... Как скажете... Отложим до пятницы, — отступила рыжая и тут же ретировалась.

Хлебникова с яростью стала надевать туфлю, а я вернулся к своему столу. Бойлеров также уже переоделся и пошел к выходу, на ходу причмокивая губами и бормоча:

— А теперь нет привкуса... Любопытно...

Решил посмотреть, что может мне предложить местная сеть в плане съема помещений. Объявлений в интернете было так много, что я ушел в них с головой. Думал, раз такое разнообразие, то быстро найду что-нибудь подходящее, но... Так показалось лишь на первый взгляд. Я проматывал одно объявление за другим.

Это слишком далеко от работы, это слишком дорого, это маленькая площадь, это вообще в подвале, а значит, будут проблемы с сыростью и вентиляцией, что недопустимо для лаборатории...

Уже через час я этот интернет проклял. Полезного мало, зато рекламы столько, что я начал думать, будто ради нее эту сеть и организовали.

Ладно, надо сделать передышку. Сменить род деятельности, чтобы не сойти с ума. Где там наш разговорчивый артефакт? Пора объяснить ей, какие у железной женщины перспективы.

Открыл ящик стола и вытащил батистовый зеленый сверток. Изнутри все еще доносились приглушенные звуки. Развернул и тут же ими... наслаждался.

— Вульва! Вурдалак!

Все еще буква «В»! Я впечатлен. Действительно впечатлен! Хотя... Может, она мухлюет? Ждет, пока я не окажусь рядом, и только тогда продолжает?

— Выухоль! — выкрикнула атманит и впиалась мелкими глазками в меня.

— Все? — спросил ее.

В ответ артефакт ощерила ряд тонких игл-зубов и сделала глубокий вдох.

— Стоять! — приказал я, положив ее на стол. Атманит замерла с надутыми щеками. — Послушай теперь меня. Я редко встречал среди аристократов людей, способных общаться с атманитами. А среди владельцев таких артефактов их буквально единицы. Зато куда чаще эта способность встречается среди артефакторов и алхимиков, потому что они по-другому взаимодействуют с магией. И с теми и с другими, полагаю, последние двести лет в этом мире напряженка. Так что, сдастся мне, я первый за два века, с кем ты можешь обсудить свой словарный запас.

Атманит с тонким свистом выдохнула воздух и буркнула.

— Ну и?

Отлично. Значит, я попал в точку.

— Ты слишком много знаешь обо мне. Хотя и надо поискать того, кому ты сможешь это рассказать, я рисковать не хочу. Поэтому выбор у тебя небольшой. Либо ты скажешь мне свое имя, либо я закопаю тебя так глубоко, что ты пролежишь в одиночестве тысячи лет.

Лицо атманита окаменело, будто она перестала быть живым артефактом. Несколько долгих минут царило молчание.

— Морвина, — выдавила она наконец. — Меня зовут Морвина. Доволен, алхимик?

— Вполне. Кто твой хозяин?

— Этого я тебе не скажу. Что я за артефакт, который тут же предает своего хозяина? Ищи другую дурю.

— А ты разве не хочешь сменить хозяина? Держу пари, тебя использовали, как отмычку, чтобы открыть простой замок. Так себе работа для древнего и могущественного артефакта...

Я попробовал обольстить Морвину.

— Ой, и кто же вдруг возьмет и раскроет мой огромный потенциал? Уж не бесполезный ли алхимик? Ну надо же, какое великолепное предложение! А не пошел бы ты, губошлеп?!

Пусть моя лесть не сработала, но мне стало весело.

— Что смешного?! Клоуна во мне увидел? — бесилась Морвина. — Только сунь мне свой палец, я тебе его по локоть отгрызу!

Я засмеялся пуще прежнего. А она забавная! Интересно, какой она была при жизни?

Ладно, есть один способ сделать ее чуточку сговорчивее...

— Насчет бесполезного ты сильно ошибаешься, Морвина, — молвил и коснулся ее пальцем, направляя капельку магии в ее почти потухший узор Нитей.

— О-о-ох... — сразу застонала она, а ее лицо преисполнилось блаженства. — Чистая... магия... ох... ах... да, деточка, да... м-м-м...

Артефакт застонала так пошло и сладострастно, что я почувствовал, как краснею. Еще и ожила и начала себя руками трогать.

— Тьфу, блин! — чертыхнулся и завернул блаженствующий атманит обратно в платок.

Похоже, пару часов она будет не в состоянии вести осмысленную беседу. Кто ж знал, что ее на голодном пайке держали?

Ладно, зато отдохнул и можно снова искать объявления. Вернулся к ноутбуку и решил посмотреть, что есть в том районе, где я сейчас живу. Хотя и не самый благополучный, но довольно удобный. Всего полчаса пешком, и я на работе. Еще полчаса, но в другую сторону, и я на тренировке.

Хм, может, поэтому я и не мог найти ничего подходящего? Подсознательно хотел остаться в этом районе?

Поиск выдал кучу объявлений. С фотографиями и приемлемой ценой. Хотя сейчас заселяйся. Вот только у всех была одна общая проблема. Все объявления были похожи как две капли воды. Те же комнаты, та же планировка, примерно одинаковый ремонт. Это удручало, потому что я не видел смысла менять шило на мыло. Я искал что-то принципиально другое, новое. Больше похожее на мой замок из прошлой жизни.

Нет, не прям замок, конечно. Замок я себе пока позволить не мог.

Постепенно я опустил на самое дно списка. Даже голова начала болеть от однотипных лживых строчек вроде «свежий ремонт», «прекрасное жилье для молодой семьи», «садик, школа в шаговой доступности», «развитая инфраструктура»... Ну да, ну да.

Но только там, на дне, мне наконец улыбнулась удача. Я нашел то, что искал. Причем прямо в том же доме, где жил сейчас.

Взглянул на часы. Если выйду прямо сейчас, то успею осмотреть помещение перед тренировкой! Рука сама потянулась к телефону и набрала номер соседа.

— Да? — через несколько гудков отозвался уставший голос.

— Роман, скажи, что ты хочешь больше? Посмотреть на наше новое жилье или посмотреть на наше новое жилье?

Глава 2

Вызвонить риелтора удалось легко. Я набрал номер в объявлении, как только вышел из здания «Воронов Фармацевтика», а когда дошел до дома, агент уже был на месте. Как и Роман, спустившийся из нашей квартиры.

— Арендодатель живет в Москве почти все время, сюда практически не приезжает, — рассказывал риелтор, мужик лет сорока, с брюшком, залысиной и в простецкой одежде из брюк, рубашки, свитера и куртки. — Коммунальные платежи производите сами, а арендную плату перечисляете в наше агентство. Мы уполномочены совершать сделки с недвижимостью нашего клиента. Могу показать доверенность. — Мужчина поднял над головой кожаную папку.

Мы поднимались по лестнице нашего подъезда на последний, мансардный этаж. Агент шел впереди, я следом, а за мной — Роман с кислым лицом.

— Я бы взглянул! — буркнул он.

— Конечно... — риелтор вытащил несколько листов красивой гербовой бумаги и протянул мне. Я передал назад, Роману.

Через несколько секунд он вернул их со словами:

— Все в порядке, подлинная.

Риелтор лишь хмыкнул в ответ.

— Почему так дешево? — спросил я. — Всего десять тысяч рублей в месяц...

Роман пихнул в спину и покачал головой, когда я с возмущением обернулся.

Ладно, согласен — зря спросил. Сейчас еще цену накинёт.

— Расположение не самое удачное, помещение нуждается в ремонте. Да сейчас сами увидите, — отвечал агент.

Преодолели еще пару лестничных пролетов и оказались на небольшой лестничной площадке со всего двумя дверями. Агент открыл правую, и мы вошли следом за ним. Мужчина нащарил на стене выключатель и щелкнул им, зажглось несколько лампочек накаливания, свисавших с потолка на проводах.

Я бегло осмотрел помещение и воскликнул:

— То, что надо!

— Кто-нибудь, убейте меня... — простонал Роман за спиной. — За это и десяти тысяч жалко.

Было отчего. Просто он видел не так, как я. Он увидел обшарпанные стены, несколько крохотных мансардных окон, тусклые лампочки без абажуров, дощатый пол, покрытый толстым слоем пыли, сквозняк и полное отсутствие хоть какой-то мебели.

А я видел высокие потолки, несколько больших комнат — куда больше, чем те, в которых мы жили сейчас, — прекрасную алхимическую лабораторию и, самое главное, перспективы. Надо только приложить ко всему этому руки. Много раз, правда, но... Стены можно покрасить, пол помыть, отшлифовать и покрыть лаком, поставить, где надо, двери.

Да, я видел это помещение так, как оно будет выглядеть через несколько дней. Или недель. Как пойдет. Главное, что здесь большая площадь и отличный вид из окна.

— Мы берем! — выдал я свой вердикт.

— Хорошо! — хлопнул по кожаной папке агент. — Сейчас подпишем документы, внесете предоплату и заезжайте хоть сегодня.

— Э, нет, погодите! — возмутился Роман. — Уважаемый, дайте нам с моим другом поговорить минутку.

— Сколько угодно, — махнул тот рукой и ушел вглубь помещения.

— Ты сдурел? — тут же накинулся на меня Роман. — На фига нам эта халупа? Тут даже туалета нет!

— Туалет вон там за ширмой! — показал рукой куда-то направо риелтор.

— Видишь? Все удобства! — усмехнулся Роману в ответ. — Слушай, это отличный вариант. Ты давно заглядывал в мою комнату? Видел, во что она превратилась? — У самого перед глазами мелькнули ряды развешанных трав и разложенные на полу алхимические принадлежности. — Мне нужно пространство, или я начну устраивать склад везде, куда только дотянусь. В твоей комнате в том числе.

Роман зашипел, как змея.

— Ладно! — наконец согласился он и ковырнул носком ботинка пол. — Но сперва приведем тут все в порядок.

— Само собой! И не забывай о еще одном плюсе. Ты сможешь по-прежнему снабжать вдову Баранову отваром от кашля.

— Тоже аргумент, — вздохнул он. — Кстати, она просила передать благодарности. Вот... передаю. И принесла две банки варенья. Правда... осталась одна.

— Рома, блин! Ну ты эгоист, — покачал я головой и позвал агента: — Уважаемый, мы готовы подписать.

Вскоре официальная часть была закончена, все подписи поставлены, все горестные вздохи Романа сделаны. Агент передал нам ключи, копию договора и ушел.

— Ладно, я принесу ведро и тряпки, — сказал сосед. — Хотя бы отмывать сегодня начнем.

— Отлично! — хлопнул его по плечу. — Я пока на тренировку! А то опаздываю уже.

— Эй, ты меня тут одного оставить вздумал?!

— Не переживай: как вернусь с тренировки и поужинаю, то сразу приду сюда.

Я бегом спустился на наш этаж, собрал спортивную сумку и так же бегом отправился на тренировку. Было уже начало восьмого, опаздывал я просто безнадежно. Но чутье подсказывало, лучше опоздать, чем вовсе не прийти. И чем меньше опоздаю, тем лучше.

За Романа не переживал — он справится. Я, конечно, подкинул ему работы, но сам от нее отлынивать не собирался, просто и тренировки моему организму нужны позарез.

Объем работы в новом помещении, конечно, мог напугать любого. Только не меня. На таких делах я собаку съел и давно понял: все стоящее достается очень нелегко. Главное — не смотреть сразу на весь объем работы, пытаюсь разумом объять необъятное. Лучше использовать, как я его называл, правило одной реакции.

Не думай обо всей формуле сразу, думай о реакции перед тобой. Иначе говоря, не пытайся приготовить все зелье сразу. Готовь компонент за компонентом. Этот принцип всегда работает и не дает разрастаться ненужной панике, когда перед тобой большая задача.

Мозг так устроен. Ему только дай повод начать паниковать.

За этими мыслями не заметил, как добрался до «Пушинки». Открыл дверь и в лицо сразу ударил жаркий и влажный воздух с запахом кожи, железа и пота.

Тренировка была в самом разгаре. На ринге спарринговали двое парней, еще трое, вместе со Славой, отрабатывали удары под надзором Тренера. Вся троица была из тех, кто преследовал нас с Алисой в парке. Не хватало только парня, которому я повредил колено. Он слонялся по зоне свободных весов и делал упражнения там. Его колено было перемотано эластичным бинтом. Сестра Славы, Лиза, дубасила пневмогрушу, тренируя скорость удара. Увидев меня, она поймала маленькую кожаную грушу и помахала мне рукой.

— Ты опоздал, Исаев! — крикнул мне Тренер. — Переодевайся и десять кругов вокруг зала.

— Строго говоря, я вообще должен был прийти через неделю, — возразил я.

— Ямэ! — крикнул Тренер и все замерли. Стихли звуки ударов, прервался бой на ринге. — Тренировки проводятся каждый день в семь часов вечера. Можешь приходить хоть каждый

день, хоть раз в неделю, но если опаздываешь, лучше не приходи вовсе, не отвлекай меня от работы. Все ясно?

Что ж, похоже, в этот раз чутье меня подвело. Я-то думал, что приду, пусть и с опозданием, но раньше, чем говорил Тренер. В прошлую тренировку, если не ошибаюсь, он дал неделю на восстановление. И это сыграет в мою пользу. Но похоже, Тренер куда более суровый наставник, чем я сперва подумал.

Это хорошо. Чем жестче будут тренировки, тем крепче я стану.

— Ясно, Тренер, — отвечал ему.

— Тогда двадцать кругов.

Я чуть было не бросился снова возражать, но вовремя остановил себя. Это я к нему пришел на тренировку, а не он ко мне. Хочешь не хочешь, а выполняй указания Тренера.

Занятие возобновилось. Я прошел мимо троицы у боксерских груш в раздевалку, Слава проводил меня слегка насмешливым, но понимающим взглядом. Лиза, когда я миновал ее, подбодрила вслед:

— Все равно молодец, что пришел!

Быстро переоделся в спортивную форму, размял поврежденное плечо. Оно почти не болело, а после разминки и остатки боли ушли. Вышел в зал и начал бегать вдоль стен. Три метра между ними и остальным залом были свободны от снарядов и спортивных матов. А крашенные доски вытерты до дерева сотнями ног и тысячами километров пробега.

Одышка началась почти сразу, после первого круга. Каждый круг был примерно около двух сотен метров.

«Исаев, ты вообще раньше не бегал, что ли?!» — внутренне ругался я, пытаюсь держать темп и дыхание.

На пятом круге в боку закололо. На десятом я решил, что на следующем круге просто умру. В пятнадцатый просто сам не верил. Последние круги бежал уже на морально-волевых. Легкие жгло, ноги одеревенели настолько, что я еле их переставлял. Со стороны это мало походило на бег, скорее, на прогулку девяностолетнего старика. Но я добежал. Добежал двадцать кругов.

Весь залитый потом, но довольный собой подошел к Тренеру. А он скомандовал:

— А теперь разминка.

А чем были эти двадцать кругов?!

Ладно, работу на середине пути не бросают.

— Я покажу, — позвала Лиза, пока Тренер вернулся к тренировке остальных парней.

— Живой? — с ухмылкой спросила она, когда мы отошли в зону без снарядов.

Это был квадрат пять на пять метров, где можно было спокойно разминаться и никому не мешать.

— Легкий, как пушинка, — с улыбкой отвечал ей, хотя у самого колени ходуном ходили.

— Как скажешь. Сделаем небольшую зарядку и потянемся. Потом отдам тебя на растерзание Тренеру.

— Какая ты добрая.

— О, ты еще поймешь, как недалек от истины. Повторяй за мной.

Лиза показывала упражнения и делала их вместе со мной. Прыжки, падения, носки вместе, пятки врозь или как там. С прыжками все было плохо, но нежелание ударить в грязь лицом перед девчонкой, пусть и куда более спортивной, чем Исаев, прибавляло сил. Точнее, хотя бы просто держало на плаву.

А вообще, мне понравилось. В конце концов организм понял, что с него так просто сегодня не слезут, и выдал порцию эндорфинов.

Лиза была хороша. Двигалась легко и непринужденно — гибкая, словно кошка или, скорее, пантера. Под ее влажной кожей скользили жгуты мышц, а потная форма облепляла

фигурку. Особенно когда она начала делать растяжку. Великолепные виды приковывали мой взгляд.

— Меньше глазей, больше делай! — глянула она через плечо, сидя в шпагате.

Я с трудом перевел взгляд с ее ягодич на лицо. Но она как будто и не была против. Скорее всего, давно привыкла — это же просто зал для тренировок. Хочешь не хочешь, а на тебя здесь все равно будут глазеть. Оценивать твою форму и сноровку.

Через четверть часа мы закончили разминку. Хотя я бы назвал это заминкой, потому что уже чувствовал себя выжатым, как половая тряпка.

Тренер как раз закончил с парнями и помахал мне рукой, подзывая к боксерским грушам.

— Как ты держишь удар и как тебя валяют по рингу, я уже видел. Теперь хочу увидеть, как ты наносишь удары, — произнес он, вставая позади большой груши и обхватывая ее руками. — Бей, как умеешь.

Пот заливал мои глаза, воздух со свистом вырывался из груди; казалось, что и всего кислорода мира не хватит, чтобы я восстановил свое дыхание. Сердце просто ходуном ходило, а тело наливалось тяжестью. Ничего, это просто с непривычки так.

Груша оказалась жесткой, а кожа на костяшках Исаева — очень нежной. Содрал ее до крови после первой же серии ударов, но атаки не прекратил. Вспоминал всевозможные комбинации из прошлой жизни, удары руками и ногами и тут же применял их на груше. Вышло... поначалу просто ужасно. Мозг знал, как бить, а тело — нет. Удары получались неуклюжими, я часто терял равновесие. Но не отступал. Постепенно мозг начал дружить с телом. Понемногу, по чуть-чуть движения становились увереннее, ноги стояли на земле крепче, и все лучше включался корпус.

— Все, ямэ! — скомандовал Тренер. Он даже не вспотел держать грушу. — Бьешь, как котенок, но потенциал имеется. Где ты всему этому научился?

— Да так... — с трудом отвечал я, наклонившись и уперевшись руками в колени. Пот чуть не ручьем капал на пол. — Книжки читал.

— Оно и видно, что прочитал немало, — хмыкнул Тренер, снял и протер очки. — Не забросишь — выйдет толк, забросишь... на глаза не попадайся. А на сегодня свободен.

— Да, Тренер, — ответил и поплелся в раздевалку, еле переставляя ноги.

Прохладный душ привел меня в чувство. Голова после такой жесткой тренировки была приятно пустой.

Раздевалку я покидал последним. Вот почему Тренер был недоволен опозданием — ему пришлось дольше работать со мной. В зале большинство ламп уже не горели, было тихо и пусто. Тренер ходил, собирал снаряды и веса, ставил их на место. Свет горел ярко только в его каморке справа. Похоже, он здесь и живет.

— Доброй ночи, Тренер, — произнес перед выходом.

Он угукнул в ответ, и я покинул зал. На улице уже стояла темень, накрапывал мелкий и холодный дождь, но холода я просто не ощущал. По пути домой заглянул в мелкую забегаловку на первом этаже жилого дома, купил две шаурмы. Себе и Роману. Есть хотелось зверски. До дома не дойду — упаду в голодный обморок, если сейчас же не поем.

Да, хорошая вышла тренировка. Шел и как будто был все еще в зале, ощущал в носу аромат коричневой кожи, в которую была затянута боксерская груша, видел, как Лиза, сидя в поперечном шпагате, наклоняется и тянется то к одному носку, то к другому. Мышцы наливались приятной свинцовой тяжестью.

Еще бы шаурма была такая же вкусная, как та, какую покупали с Григорием на вокзале!

К десяти вечера добрался до дома. Потные вещи закинул стираться, а сам тут же поднялся на мансардный этаж. Половина пола была отмыта стараниями Романа. Темное дерево блестело влагой в желтом свете лампочек.

— Держи перекус! — вручил я другу еду, завернутую в фольгу. — Еще теплая.

— О, убить готов за шаурму! — обрадовался он.

— Ага, ешь. А я пока сменю тебя.

Хоть я и был уставшим, но взялся за работу с обычным рвением. Роман тут пахал один — теперь моя очередь.

Грязь и пыль, затхлый запах уносились в открытые окна, уступая место ночному осеннему холоду. Доску за доской я отмывал пол от застарелых пятен. Заодно перебирал коробки со старым хламом, которые здесь остались от прошлых жильцов. Ничего полезного в них не нашлось: сгнившие ткани и книги, содержимое которых уже и не прочитать, веревки да битая посуда. Роман притащил мусорные мешки — я забивал их хламом, а он уносил на помойку.

Через два часа пол сиял чистотой во всех уголках. Будто даже светлее стало.

— Знаешь, а ты был прав, — покачал головой Роман, стоя в центре. — Выглядит и правда неплохо. Вон, даже местами лак сохранился.

Теперь снятое нами помещение выглядело еще лучше и еще больше и начинало приобретать жилой вид.

От входной двери шла короткая, но просторная прихожая, на стене даже крючки для одежды сохранились. Затем одна большая комната восемь на восемь метров или около того с большим треугольным окном. В две стороны расходились комнаты поменьше. Они отделялись очень широкими арками, которые переходили в потолок. Налево, если смотреть на улицу, одна комната с небольшим окном, направо еще две комнаты, одна за другой. В первой — задернутый ширмой, туалет с ванной и унитазом. Пока еще все было пыльное и грязное, но хотя бы рабочее.

— К выходным возьму в прокате шлифмашинку, приведем пол в божеский вид, заморим, покроем лаком... — бормотал Роман.

— А ты втянулся, — хмыкнул я. — Сперва не хотел переезжать.

— Ну, до переезда... — тут же посуловел сосед, — как до одного места на карачках. К тому же я тут вспомнил — у меня же в понедельник экзамен по криминалистике.

— Точно, ты говорил, что он скоро. Ладно, добудь инструмент, а полом я займусь, идет?

— Да.

Мы ударили по рукам, выключили свет, забрали грязное ведро с тряпками и вернулись в нашу пока еще не бывшую квартиру.

Устал я как собака, которая в одиночку пересекла Великую Северную Пустошь. Но в душе был доволен этим днем. Хоть и отравился Порчей, но зато пестицид не выйдет на рынок, а я заправился чистой магией.

Был доволен и тренировкой. Правда, плечо начало снова болеть от нагрузок, и я намазал его мазью Тренера. Наспех сделал из уже высохших трав небольшую порцию укрепляющего отвара, сдобрив его щепоткой магии и крохотным узелком, и залпом выпил. Поможет быстрее восстановиться плечу и натруженным мышцам.

Магию расходовал экономно: кто знает, когда я смогу снова ее заполучить. Однако меня радовало, что она в этом мире все же есть. Есть и артефакты, и Реликты аристократов, и магия в их крови. Не все потеряно, не все потеряно...

Сон обрушился на меня тяжелым, но мягким одеялом.

Утром, уже третий день подряд, я явился на рабочее место к семи утра. Оксана Ивановна уже мыла середину кабинета, поглядывая на дверь. Заметил это, когда вошел. Она первой меня увидела, потому что выглянула из-за стола и слегка смутилась, встретившись со мной взглядом. Значит, ждала. Мы обменялись приветствиями на языке жестов, и я продолжил обучение.

Все-таки люблю изучать новое. Грамматика в языке жестов вообще сильно отличается от привычной письменной. Она, как бы это сказать... пространственная, что ли. Хотя не уверен, что правильно понимал этот момент, а Оксана Ивановна не могла объяснить, потому что... не могла объяснить. Только под конец «занятия» догадались использовать бумагу с ручкой.

Трудно. Очень трудно. Чтобы сказать, что пробирка закатилась под стол, надо сперва обозначить «стол» как фон, затем «пробирку» — как маленький, действующий предмет, и уже потом глагол «закатить».

Через полчаса поблагодарил на языке жестов уборщицу за урок и стал готовить рабочее место к новому дню.

Постепенно подтянулись остальные сотрудники нашей разросшейся лаборатории. Оксана Ивановна это тоже заметила, кстати, — сказала, что столько людей одновременно здесь не работало уже лет десять-пятнадцать.

Первой пришла Хлебникова, поприветствовав меня сдержанным кивком, затем Алиса с чашкой кофе, помахавшая мне с радостной улыбкой, третьим — Бойлеров, прорывавший что-то вроде «девочка моя», но как-то невнятно. Мучился, бедняга, загадкой привкуса яичного латте в рабочее время.

Ровно в восемь дверь лаборатории открылась, и вошла целая делегация из людей в костюмах. Возглавлял ее Яковлев. С самодовольной ухмылкой на губах оглядел кабинет и остановил взгляд на мне. Словно испытывая неимоверное удовольствие, он произнес:

— Господин Исаев, у нас к вам пара вопросов.

Глава 3

— Получилось! Наконец! — ликовал Коршунов, держа на свету две пробирки с абсолютно одинаковым на вид содержимым. Здесь золотистый раствор и там золотистый. — Ну все, собирай манатки, Исаев! Теперь ты бесполезен для «Воронов Фармацевтика».

Воспаленные глаза Юрия слезились после бессонных ночей. Сегодня он позволил себе поспать всего полтора часа прямо за рабочим столом, пока происходила реакция. Теперь голова казалась свинцовой, мысли с трудом ворочались, но оно того стоило.

— Господин Татищев! — позвал Коршунов. — Никита Сергеевич!

Лаборатория отдела исследований и разработки занимала весь двадцать седьмой этаж и представляла собой что-то вроде открытого офиса. Здесь не было стен — только несущие колонны. Множество столов, самое современное оборудование для опытов, был отсек для изучения патогенных штаммов различных болезней. Он отделялся от основной лаборатории тройным стеклопакетом и множеством защитных и фильтрационных систем.

Столы группировались между различными подразделениями, каждое из которых работало над своим проектом. Кто-то изобретал для спортсменов новый допинг, который невозможно отследить, кто-то работал над новым лекарством от какой-нибудь болезни, а кто-то изобретал новую болезнь, чтобы создать спрос на продукцию компании.

В центре находился кабинет со стеклянными стенами. Из него зорко наблюдал за работами начальник «ирки», граф Татищев Никита Сергеевич. Его рука покоилась на трости. Он мог приглядывать за каждым сотрудником отсюда, но никто не мог смотреть за ним. Это жестоко каралось. Тех, кто смел посмотреть в сторону кабинета начальника, лишали премий, давали самые бесперспективные задания. Касалось это правило всех, кроме нескольких любимчиков.

Юрий Коршунов был среди них. Поэтому безбоязненно направился к кабинету графа. Он пересек лабораторию и замер возле прозрачной двери. Ждал, пока Татищев поднимет голову от папки с каким-то отчетом. Заметив Коршунова, граф поднял руку и двумя пальцами поманил того внутрь.

— Ваша Светлость, — почтительно склонился Коршунов, прижав руку к груди. Его начальник любил подобное раболепие. — Я получил кислоту Исаева.

Темные, близко посаженные глаза Татищева впились в лицо Юрия.

— Ты уже провел все тесты? — спросил он.

— Да, Ваша Светлость.

Татищев встал, выверенным движением руки сдернул со спинки кресла белоснежный халат и, широко им взмахнув, накинул одежду на плечи. Высокий, статный, прямой как стрела, с высоко вздернутым подбородком и в дорогом синем костюме, граф выглядел минимум как князь. Широкими шагами он прошел мимо Коршунова, на ходу бросив короткое:

— Идем.

Вскоре они уже стояли возле рабочего места Юрия. Граф рассматривал на свет обе пробирки. Коршунов гулко сглотнул тугую слюну. Руки его начали непроизвольно дрожать. Сказывалось нервное напряжение предыдущих дней.

Татищев приступил к тестам. Проверял свойства золотистого раствора лакмусовыми бумажками и заставлял тот вступать в реакции с различными веществами. Прошла четверть часа. Но Коршунову эти минуты показались вечностью.

Начальник «ирки» ссутулился, вытянув руки на столе, взглянул исподлобья на пробирку и результаты тестов, побарабанил пальцами. Юрий стоял сбоку и понимал, что это плохой знак.

— Господин Коршунов, — вкрадчиво сказал Татищев, — вы держите меня за идиота? Решили просто царскую водку подкрасить? Что вы добавили для цвета? Чай? Коньяк?

Граф явно издевался.

— Что? Ваша Светлость, да я никогда...

— Это не тот раствор, которого я жду! — резко оборвал его Татищев. — Раствор, который приготовил Максим Исаев, мог взаимодействовать с благородными металлами, чего обычная царская водка не может делать. А ваш раствор?

— Но... он корродирует золото! Я проверял, — оправдывался Коршунов.

Резким взмахом руки граф скинул на запястье из-под рукава браслет часов, снял их и бросил на лабораторный стол Юрия. Коршунов чуть не задохнулся. Перед ним лежали часы из чистого золота. Под сапфировым стеклом медленно двигались стрелки, инкрустированные бриллиантами. Такие часы стоили как хороший многоразовый артефакт. То есть целое состояние.

— Какой пробы? — не глядя на парня, спросил Татищев.

— Что?

— На золоте какой пробы вы проверяли ваш раствор?

— Червонное. Девятисотой пробы.

Татищев схватил пробирку с янтарным раствором и половину тонкой струйкой вылил на драгоценный браслет. Капли кислоты зашипели, растворяя столешницу, но с часами ничего не произошло.

— Это девятьсот девяносто пятая проба. Ваш раствор корродировал с примесями, а не с золотом. Вы приготовили просто хорошую царскую водку, но не кислоту Максима Исаева, — голос Никиты Сергеевича был холоден, безжалостен и стегал, как кнут. — Если какой-то выскочка из отдела РТУ справился, Коршунов, то вы тем более должны. Не заставляйте меня разочаровываться в вас. Приготовьте мне раствор, который будет взаимодействовать с этими часами. Времени у вас до конца дня. Это последняя отсрочка. Если не справитесь, стоимость этих часов вычту из вашей зарплаты.

Коршунов испуганно сглотнул, затем, когда Татищев встал и ушел, он широко раскрытым ртом хватанул воздух. Забыл дышать, пока начальник его отчитывал. А часы? Даже с его немаленькой зарплатой, он на них будет десять лет горбатиться! А, учитывая, сколько долгов висит на обедневшем роде Коршуновых, то все двадцать.

Юрий стоял и смотрел на золотой браслет, с которого медленно стекали последние капли кислоты. Тревога ушла, уступив место гневу.

— Ты расскажешь мне свой секрет, Исаев. Ты все мне расскажешь, — процедил Коршунов.

— Господин Исаев, у нас к вам пара вопросов, — улыбаясь, сказал Яковлев.

— У нас, это у кого? — перебил его Бойлеров.

Вместе с начальником отдела качества зашли еще двое мужчин. Оба среднего роста, один брюнет, другой русоволосый. Лет по тридцать каждому. Они молчаливо ждали указаний от своего начальства.

— У отдела качества, разумеется, — повернулся к Ивану Степановичу Яковлев. — Мы уже знаем о том, что произошло вчера.

Бойлеров сложил на груди руки и качнулся на стуле. Взгляд его скользнул по Хлебниковой, которая стояла возле своего рабочего стола. Обычно хладнокровная, сейчас она выглядела несколько обеспокоенной.

— Думаю, нет смысла спрашивать, откуда вам это известно... — процедил наш начальник. — Я еще не отправлял никаких отчетов о вчерашнем.

— Не спрашивай, — пожал плечами Яковлев и снова повернулся ко мне, сделал несколько шагов к моему столу и присел на него. — Прежде чем мы начнем, Максим Мак-

симович, хочу уточнить, вы, случайно, не употребляете психотропные препараты или другие наркотические вещества, которые могли вызвать такую интоксикацию?

— Если не считать вашего присутствия в моей жизни, Борис Николаевич, то ничего токсичного в ней больше не было, — ответил ему и добавил: — И встаньте с моего стола — я вчера здесь кислоту пролил.

Яковлев вскочил как ошпаренный и завертелся на месте, пытаясь разглядеть свою задницу. Глядя на это зрелище, позволил себе улыбку. Конечно, никакой кислоты я не проливал. Но ему-то откуда об этом знать?

— Если ты закончил отплясывать, Борис, то теперь послушай меня, — с другой стороны длинного рабочего стола встал Бойлеров.

И я вдруг оказался между молотом и наковальней. Ну еще Алиса неподалеку сидела, но вряд ли испытывала то же, что и я. Не из-за нее ведь пестицид признают негодным к использованию.

— Провокационные вопросы моим сотрудникам, — продолжал Иван Степанович, — ты можешь задавать только в одном случае — если созвана комиссия. В остальных случаях, ты можешь так же плясать, но подальше от моего кабинета. Я ясно выразился?

Два начальника стояли друг напротив друга и метали взглядами молнии. У меня аж ощущение появилось, что волосы на загривке начали дыбом вставать. Не от страха, а от общей наэлектризованности атмосферы.

— Комиссия, говоришь? А это отличная идея, Иван! Предлагаю собрать ее прямо сейчас. А что? Начальник ОРТУ есть, начальник ОК есть, сотрудник ОК, проводивший вчера инспекцию испытательного полигона... дай-ка подумать... — Яковлев сделал вид, что усиленно что-то вспоминает, а потом с наигранной радостью указал на Хлебникову, — тоже есть! Да, Марина?

Лица всех собравшихся повернулись к девушке. Она выглядывала над полками с колбами рабочего стола. Взгляд метался между ее сегодняшним начальником и позавчерашним. Скользкая ситуация, особенно для такой карьеристки, как Хлебникова. Кого ни выбери — проиграешь. Вдруг взгляд Марины остановился на мне. Девушка моргнула и посмотрела на Яковлева.

— Согласно Регламенту о рассмотрении внештатных происшествий, пункту седьмому, подпункту девятому, — затараторила девушка, словно с листка читала, — за литерой «б», сотрудник, являющийся свидетелем происшествия, не может входить в состав комиссии по рассмотрению данного происшествия. Состав комиссии также строго определен приложением номер три. В нее входят: глава филиала «Воронов Фармацевтика», в котором производится рассмотрение, глава отдела качества, глава...

— Хватит! Я понял! Я сам писал этот регламент! — резко огрызнулся Яковлев.

— Марина, ты этот регламент проглотила, что ли? — тихонько шепнула Алиса.

— Будет вам комиссия, — не собиравшись сдаваться бывший начальник Марины. — Готовьтесь. А заодно проверим вашу работу за последние полгода. Уж это я могу сделать без всякой комиссии. У тебя ведь имеются итоговые отчеты?

— Хорошо, — пожал плечами Бойлеров и одну за другой составил три коробки с отчетами. Те самые, над которым я работал три долгих дня. — Все разложено и систематизировано, Борис. Специально для тебя.

— Откуда? Этим же никто не занимается!

— А мы занимаемся, — пожал я плечами, улыбаясь ему снизу вверх.

— Исаев... — прошипел он и облизнул пересохшие губы. — Ладно. Забираем коробки. Увидимся на комиссии, а ты, Хлебникова!.. — Он метнул взгляд в Марину. — Еще поговорим о твоей карьере.

Парни, пришедшие с Яковлевым, да и сам Борис Николаевич, взяли по коробке и покинули лабораторию. Оставили после себя шлейф дорогих духов и неприятный осадок.

Когда дверь лаборатории тихо закрылась, по комнате будто ветер прошелестел. Бойлеров выдул воздух сквозь зубы с тихим свистом, Алиса с до сих пор широко раскрытыми от шока глазами выдала тихое «пу-пу-пу...», Хлебникова медленно осела на свой стул, скрывшись от меня за колбами. Шумно выдохнула там.

— Мда... — покачал головой Бойлеров, глядя на Хлебникову. — Я, конечно, ожидал, что ты соловьем заливаться будешь, но не с первого же дня.

— Это не она нас выдала, — заступился я за Марину. — Граф Селиванов наверняка таким образом подстраховался и сам сообщил об инциденте в компанию. Мы не по собственной глупости попали под распыление пестицида. В теплице произошел сбой, и автоматика оповестила не за тридцать минут, а за тридцать секунд.

— К тому же, — добавила рыжая, — она так Яковлева припечатала его же регламентом... Зачем ей тогда это делать, если она нас выдала?

— Тоже верно, — вскинул бровь Бойлеров и начал краснеть. Курчавая прядка выбилась из прически и упала на лоб. Под ней тревожно вспухла вена. — А Яковлев знает про сбой? Конечно же знает! Граф наверняка это упомянул, чтобы сразу пойти на мировую. Но Яковлев все равно хочет созвать комиссию, чтобы свести личные счета, обвинив Исаева...

— Иван Степанович, а вы не слишком близко к сердцу это воспринимаете? — осторожно спросила Алиса. — Вы стали краснее, чем мои волосы... Ведь мы ничего плохого не сделали, а значит, нас и винить не в чем.

— О нет, комиссия меня не беспокоит, солнце мое. Куда сильнее волнует другой вопрос... Почему я опять чувствую привкус яичного латте?! Ар-р!

Бойлеров всплеснул руками в карманах так резко, что порвал их.

— Это ты виноват, Исаев! — рывкнул он и пошел обратно за свой стол, проорав уже оттуда: — Я все равно узнаю, как ты это делаешь!

Алиса вопросительно посмотрела на меня, а я пожал плечами. Не рассказывать же ей, что у него в воротник вшит галлюциногенный артефакт.

Хлебникова встала со своего рабочего места и подошла к нам, присев на свободный табурет.

— Спасибо, Исаев, — шепнула она, — но прекращай. Я не люблю чувствовать себя обязанной.

— А я не ради тебя это сделал. Мне просто вопли Бойлерова надоело слушать... Сейчас его разборки были бы не эффективны.

Марина тут же поджала губы, вытянувшись на стуле, но промолчала. Чуть погодя заговорила уже не шепотом:

— Все равно Яковлев не сможет созвать комиссию. Она вообще никогда не собиралась в полном составе. Одного графа Воронова с его графиком очень трудно, скажем так, поймать.

— О нет... Комиссия будет! — ответил, услышавший наш разговор начальник. — Я об этом позабочусь. И мы этого Яковлева на ней закопаем! Так что, девочки мои, составьте ваши отчеты так, чтобы комар носа не подточил! Опишите все ваши действия даже не поминутно, а посекундно. Что вы делали, что ели, что пили, какая песня играла по радио, какое облако было похоже на яблоко, а какое — на Императора. Все ясно?

На миг повисла тишина.

— Фух, ну что, за работу? — вздохнула Алиса.

— За работу, — кивнул я. — Марина, двигай свою технику сюда, нам пригодятся твои знания регламентов.

— Хорошо, — отвечала она, вставая. — А... какую технику?

— Рабочий ноутбук, конечно же!

— Да, поняла.

Хлебникова перенесла рабочий ноутбук за стол Алисы и села рядом. Работа закипела. Стучали клавиши, тихо переговаривались девушки, временами ругался Бойлеров: то на принтер, то на залипшую клавишу.

— Твою мать, — растягивал он гласные. — «Пэ»! Я нажал «пэ», а не «рэ»!

Марина работала сразу за двоих. Успевала печатать свои отчеты и присматривать за экраном Алисы. И мы как-то резко все перешли на «ты».

— Селезнева, — цокала Хлебникова, — ты когда-нибудь слышала о правилах деловой переписки? Не «я пошла налево, а он пошел направо, а Марина пошла направо от него», а «я, Селезнева А.А., проводила инспекцию с помощью сертифицированного ультрафиолетового портативного светильника ЛУЧ-М для выявления фитофторы на наружных органах томата обычного в четвертом и пятом рядах тепличных насаждений. Исаев М.М. проводил...» Поняла?

— Нет! Так же вообще ни фига не понятно!

— Вот именно, Селезнева, вот именно. В этом и смысл...

С горестным вдохом Алиса удаляла несколько своих строк, чтобы их место заняли два-три объемных абзаца.

— Иван Степанович, где можно взять документацию по этому пестициду? — спрашивал я.

Без лишних слов Бойлеров доставал папку из шкафа за спиной. Или картонную коробку, когда я просил что-то еще. И снова шуршали клавиатуры, гудел принтер, выплевывая теплую бумагу, пыхтели девушки. Рядом с каждым из нас постепенно росли стопки со строчками букв и цифр. Голова уже гудела от мешанины из документов, воспоминаний, черновых бумаг, записей и тому подобного.

— Нет-нет, Марина, — уже Алиса поправляла Хлебникову, — плоды были не зеленого цвета, а цвета перчаточной мяты.

— А какая разница?

— Как какая? Цвет говорит о сроке вызревания плода. Вдруг это будет важно для комиссии.

— Блин, а ты права...

Перед лицом общей угрозы наш немногочисленный отдел вдруг сплотился. Мы не заметили, как пролетело время обеда, а за окном начали сгущаться вечерние сумерки. Даже Бойлеров перестал чмокать губами, пытаясь прогнать дурацкий привкус, вызванный артефактом. В работу ушел.

Подбивая очередной отчет, заметил то, что и так знал. На одном из этапов лабораторных испытаний в состав фунгицида решили добавить синтопиозин. Тот самый, который с Порчей. Из-за него меня так и накрыло. Этого вещества к тому же было достаточно много. Около пятидесяти промилле.

— Иван Степанович, если не секрет, — подошел я к начальнику, — а чьей идеей было ввести в состав синтопиозин? Я думал, это опиат, а не пестицид, разве нет?

Начальник, надув щеки, громко выдохнул и откинулся на стуле, закинув руки за голову. Покачивался вперед-назад на задних ножках стула и молчал целую минуту.

— Скажем так, это не было моим решением. Мое решение — работать с изначальной формулой, подбирая нужное соотношение компонентов. А идея с синтопиозином... она пришла свыше, — он ткнул пальцем в потолок.

— В смысле, вас осенило? — не понял я.

— Да нет! Какое еще «осенило»? С верхних этажей. От кого конкретно — не знаю. Я не думал, что опиат в составе пестицида может как-то решить проблему эффективности фор-

мулы. Это как добавлять в бетон алмазную крошку для прочности. Так же дорого и бесполезно. Однако это сработало, и мы приступили к следующему этапу испытаний.

Я и сам посмотрел на потолок. Выходит, не все в компании ратуют за этот синтопиозин, а решения принимают на самом верху. Интересно, какой этаж имел ввиду Бойлеров? Этаж отдела исследований? Или сам граф Воронов приказал так сделать? Я имею в виду Михаила Александровича, главу нашего филиала. Хотя... что, если решение приняли в головном филиале?

Ладно, гадать долго можно. Лучше продолжить работу.

— Голова пухнет... — простонала Алиса, через час упав лицом на стол.

Хлебникова продолжала монотонно печатать, словно она какой-то голем с большим энергокристаллом в одном месте. Я и сам уже подустал.

— Пожалуй, я все, — потерла ладонями лицо Алиса. — Скоро пальцы от этой канцелярщины сломаю.

— А я еще поработаю, — холодно отвечала Марина.

— Я тоже, — откликнулся и я.

— Да ну вас обоих!

Селезнева встала, закрыла ноут и направилась к шкафчикам с одеждой, подхватив свою сумку. Короткие каблук зацокали по полу, затем замерли и быстро процокали обратно. Меня обдало волной воздуха с запахом цветочных духов и печеных яблок.

— Ладно! Я тоже еще поработаю! Но совсем чуть-чуть! — села на свое место злая на саму себя Алиса.

Я ухмыльнулся, глядя на нее полуобернувшись. Вот что общий враг и рабочая атмосфера делают.

Мы просидели еще час, пока окончательно все не выдохлись. Не так-то просто оказалось вспомнить все события того дня и все нюансы происшествия. Особенно мне. Приходилось местами недоговаривать и привирать, чтобы не раскрыть свою сущность. Но при этом и себя не подставить. Мне еще нужна работа в этой фирме, чтобы выяснить, откуда ноги растут.

Бойлеров тоже продолжал молча работать, стуча клавиатурой. Он будто перестал замечать окружающий мир и полностью ушел в работу.

— А представьте, что бы было, если бы мы пошли вчера отмечать прохождение испытательного срока? — спросил я, развернувшись на стуле.

— О-о-о... — хором простонали девушки, тоже разворачиваясь.

— Я бы умирала от похмелья, — запрокинула голову Алиса. — Хотя я и сейчас умираю.

— Глупо пить посреди недели, — парировала Хлебникова, закинув ногу на ногу и сидя с прямой спиной. — На следующий день эффективность работы падает, в лучшем случае, на тридцать процентов.

— Какая ты скучная... — скривилась рыжая. — Только об эффективности и думаешь.

— Вообще-то, она права, — поддел я рыжую. — Ты сама недавно боялась увольнения как огня. Понадобилось всего два дня, чтобы ты об этом позабыла.

— А вот это было подло, Исаев... — прошипела Алиса, сузив глаза.

Но в них сверкали озорные искорки, так что я засмеялся. Даже Хлебникова позволила себе улыбку.

Дверь лаборатории внезапно открылась. Мы синхронно обернулись, чтобы посмотреть на позднего гостя.

На пороге стоял Коршунов. Красные глаза, всклокоченные волосы. Он будто неделю не спал, а только отмечал... что-нибудь. А может, напился с горя, что я прошел испытательный срок? Помнится, он грезил моим увольнением.

— Исаев! — Его полубезумный взгляд остановился на мне. — Я принимаю твой вызов!

Глава 4

А? Коршунов? Принимает мой вызов? Который я ему бросил, когда только очнулся в теле Исаева?

Он про него, что ли?

— Ты про тот раз... — начал я уточнять.

— Да! — почти рывкнул Коршунов.

Этим криком он окончательно привлек внимание Бойлерова. Тот высунулся из-за экрана компьютера и спросил:

— Господин Коршунов, а вы не заблудились? Или у вас сегодня внеочередные испытания нейролептиков на собственной персоне?

По лицу Юрия пробежала тень страха: видимо, не ожидал встретить начальство этой лаборатории в столь поздний час. А на часах, кстати, было уже семь. Тем не менее он совладал с собой и, кажется, даже разозлился.

— Ваш Исаев вызывал меня на алхимическую дуэль. Я принимаю его вызов!

— Дуэль? — протянул Иван Степанович, поднялся со стула и угрожающе уставился на меня. — Это правда?

— Было дело, — не стал я отпираться.

Зато Селезнева попыталась вступить за меня.

— Коршунов первый начал...

Но резкий взмах руки Бойлерова остановил ее речь. Я оглянулся на Алису и укоризненно покачал головой. Девушка сникла. Сама виновата — я не просил за меня вступаться.

Сам могу за себя постоять.

— Хорошо, — сказал, вставая со стула. — Где и когда желаешь биться? И каким оружием?

— Вы двое совсем лишились разума? — Бойлеров выскочил из-за стола и встал между нами.

В кабинет вошел еще один человек — один из дружков Коршунова, которые ввалились в этот кабинет пару недель назад и приставали к Алисе.

— Что, Исаев, начальник тебя не отпустит? — притворно заканючил Юрий. — Может, тогда сразу признаешь, что твой вызов был простым блефом? И мы с Каминским просто в очередной раз убедимся, что в «РОТ» берут только самых никчемных?

Вот вроде простейшая, практически одноклеточная провокация. Такая же, как сам Коршунов. Но я чувствовал, что она действует. И не на меня одного. Алиса сбоку от меня встала из-за стола и сжала кулаки. Хлебникова нарочито медленно поправила очки и смерила Коршунова таким взглядом, словно пыталась определить, сколько в его теле процентов воды и дерьма. Ноль и сотня, Марина, ноль и сотня. Бойлеров покраснел, вена на лбу вспухла, а сверху на нее упала выющаяся прядь.

Он повернулся ко мне, положил руку на плечо и шепнул в самое ухо:

— Вздрючь его.

Отстранившись, удивленно воззрился на начальника.

— Я сказал, вздрючь этого заносчивого засранца, — повторил он, хлопнул меня по плечу и отошел в сторону.

— Где, когда и каким оружием? — холодно обратился я к Коршунову. — Предоставлю выбирать тебе, как вызванной стороне.

— Напомню, что дуэли насмерть запрещены, — заметила Хлебникова.

— Что ты, Марина, — гадливо улыбнулся ей Юрий, — Исаев мне живым нужен. Сразимся на ядах в нашей лаборатории на двадцать восьмом. Через два часа. Каминский, — он

кивнул в сторону своего спутника, — мой секундант. Выиграю я — ты расскажешь мне секрет своей золотой кислоты.

— Так вот кто спер ту пробирку... Так и не хватило ума разгадать секрет? — хмыкнул я. — Хорошо. Увидимся в девять часов вечера на двадцать восьмом.

— Рекомендую тебе сразу написать формулу, чтобы не терять времени потом, — высокомерно улыбаясь, Коршунов развернулся и пошел к выходу.

Уже в самых дверях я окликнул его:

— Ты забыл кое-что, Коршунов. — Юрий замер в проходе. — Выиграю я — отдашь мне Право хозяина на артефакт.

На тот самый строптивый артефакт, который до сих пор у меня в сумке, наверно, словарь вспоминает. Если в себя пришла после порции магии.

Пальцами Юрий вцепился в дверной косяк так крепко, что костяшки побелели. Но через несколько секунд он расслабился и снова задрал голову кверху.

— Идет. Все равно тебе не победить.

— Думаешь, это хорошая идея? — не унималась Алиса, пока мы поднимались на двадцать восьмой этаж в пустом лифте.

— Алиса, я начинаю думать, что плохой идеей было взять тебя в секунданты, — беззлобно огрызнулся я.

— Я про это и спрашиваю!

— Это чистая формальность... — поправил на плече ремень своего несессера. — Отступать я не собираюсь, так что тебе ничего не угрожает. Отказаться — значит, посрамить честь отдела. А Коршунов, уж будь спокойна, об этом всему зданию разстрезвонит. Кстати, Марина, ты уверена, что хочешь быть Судьей?

Хлебникова, перед тем как Коршунов окончательно покинул наш кабинет, сама вызвалась судить алхимическую дуэль. Возражений не имелось ни у кого. Коршунов был уверен в своей победе и не боялся, что проиграет из-за подсуживания Марины. Впрочем, подсудить там было негде. Да и в Марине я почему-то был уверен — не будет она такой чепухой заниматься. Ее интересовала не моя или Коршунова победа, а сам процесс.

— В моей семье сохранилась одна из копий Кодекса Алхимиков, так что я, возможно, единственная в этом здании, кто знает, как судить, — ответила девушка.

— Надо же, у вас тоже был Кодекс? — удивился я, прежде чем успел заткнуть себе рот.

— У вас? — переспросила Хлебникова.

— Ну, в твоей семье, — пояснил ей. Фух, надо аккуратнее быть. Чуть не спалился в очередной раз, что я не совсем Исаев. — Я же из рода алхимиков происхожу. У нас тоже была копия.

Да я сам этот Кодекс написал в своем родном мире!

— Точно, — подтвердила Алиса. — Коршунов на него из-за этого и взъелся...

Наш разговор прервал лифтовой звонок. Двери открылись, и мы вышли в короткий коридор из стекла. Из-за темноты по ту сторону стекла почти превратились в зеркала. Пройдя дверь, с шипением скользнувшую в сторону, оказались в самой лаборатории. Ее концы терялись в полумраке. Потолок с немногими горящими лампами казался низким сводом огромной пещеры. Множество лабораторных столов с явно крутым оборудованием делились по секторам. Один из них был огорожен стеклом с яркими оранжевыми знаками биологической опасности. Там наверняка работали со штаммами опасных болезней. В центре стоял еще один стеклянный аквариум, поменьше. Рядом с несколькими столами горел яркий свет — там еще работали люди.

Но два из них стояли возле того аквариума. Я уже знал, что это кабинет Татищева Никиты Сергеевича, начальника отдела ИР.

Уже отсюда я увидел рядом со столами Коршунова с Каминским. Немногочисленные сотрудники лаборатории с любопытством проследили за нами взглядами. В остальном здесь было темно и тихо. Казалось, можно услышать, как гудит ветер, наталкиваясь на стеклянные стены здания.

— Начнем? — без лишних предисловий спросил Коршунов с усмешкой. — Надеюсь, с нашим оборудованием проблем не будет? Понимаю, в вашем отделе такие новинки только на картинках видели...

— Как и ты голых женщин, — перебил его я. — Марина?

Алиса прыснула в кулачок от смеха, а Коршунов слегка затрясся от гнева.

Лабораторные стенды, которые должны стать нашими орудиями в дуэли, стояли развернутыми друг от друга на расстоянии нескольких метров. Между ними помещался еще один стол с двумя загадочными ящиками. Как я понял, это были анализаторы для проверки результатов дуэли.

— Дуэлянты, внимание! — громко и отчетливо произнесла девушка, встав между столами. На миг она наклонила голову так, что стекла ее очков загорелись ярким белым пламенем, отразив свет потолочных ламп. — Напомню вам условия. Дуэль начинается и длится ровно два часа. Каждый из вас за это время должен приготовить один яд. Компоненты — на ваше усмотрение. Способ приготовления — тоже. Победит тот, чей яд окажется лучшим по двум критериям: чистота и летальная доза. Итак... — девушка достала из кармана круглые часы-секундомер, и скомандовала: — начали!

Алиса с Каминским разошлись в разные стороны. Дружок Коршунова встал неподалеку от меня, а Алиса — за спиной моего соперника. Их задача — наблюдать и сообщать, если один из нас будет мухлевать. Использовать чью-то помощь, подсказки или артефакты.

Пушай этот Каминский наблюдает. Лишь бы молча это делал. К слову, если захочу смухлевать, он и не заметит. Во-первых, в его глазах блестело что угодно, но не интеллект. Во-вторых, мухлевать я умею.

Мой наставник не порицал небольшое шулерство на экзаменах, и его подмастерья получали по ушам (в буквальном смысле), только если попадались. Даже сам учил, как не попадаться. Одна проблема — он же и принимал экзамены. Приходилось быть очень изобретательным, потому что его способы, естественно, не работали.

Полки длинного стола и сама столешница были заполнены большим количеством реактивов, растворов и реагентов. Большую часть местных названий я не знал, но, к моему счастью, названия дублировались небольшими формулами. Еще какие-то узнавал по внешнему виду, другие подсказывала память Исаева. Не так уж мало он знал, к моему удивлению.

Коршунов работал споро. Гремел склянками, жужжал приборами и булькал растворами. Я не отставал.

С оборудованием разобрался быстро. Почти такое же, как в лаборатории нашего отдела, только новее. Намного новее.

Познакомившись с лабораторным арсеналом, я решил, что попробую сделать один простой яд. *Silentium Caeli*. Небесная тишина. Или, как его называли я и мой наставник, Сновидянка. Мой любимый яд. Ладно — один из. Убивал тихо, мирно и во сне. Я его использовал вместо снотворного. За триста лет жизни выработалась такая бессонница, что порой даже самое мощное снотворное не брало. А вот Сновидянка...

Что-то я отвлекся. Итак, ингредиенты!

Всего их три. Скополамин. Алкалоид. Чистый. *Scopolaminum purum*. Это — основа моего яда. Мощнейший депрессант нервной системы, вызывает сонливость и амнезию. *Citotoxinum* — токсин, добываемый из щупалец Морских пчел. Это медузы из моего мира. Безобидные на вид и даже милые, похожие на мыльные пузыри с маленькими ножками, но на самом деле жуткие

твари. Строят целые подводные города из ульев, которые собирают из падали. При этом очень ядовитые. И третий компонент — *Viridin*. Еще один токсин.

Скополамин я получу из растений, добытых Листницким для меня. Благо я их с собой прихватил. Остальные два могу получить прямо здесь. Оборудование позволяет!

Выставив на стол несессер, выложил из него все, что мне пригодится. С полка тоже похватал склянки, штативы, реагенты. Все разложил — как привык, по порядку использования — и начал работу. Краем глаза заметил, что другие сотрудники лаборатории повключили свет над своими рабочими местами и стали стягиваться в нашу сторону.

Сбившись в кучки вокруг, они с любопытством стали следить за нашими действиями и шепотом обсуждать их. С шипением растворилась входная дверь в лабораторию. Не выдержав, я оглянулся на нее и увидел Бойлерова, который все же решил к нам присоединиться. До этого он отказывался, ссылаясь на занятость.

Но его появление — не единственная причина, почему я начал оглядываться. Ощущал на себе пристальный взгляд. И это были не Каминский, внимательно следивший за каждым моим действием, и не зеваки. Кто-то еще... Всмотрелся в стеклянные стены кабинета Татищева, но не увидел ничего, кроме отражения лаборатории. Внутри царила темнота и громоздились темные, едва различимые силуэты мебели. Но мне все равно казалось, что источник чужого взгляда где-то там.

Ладно. Я уверен, что за нами и так наблюдают. Тут камер видимо-невидимо. Плевать: алхимические приемчики я использовать не собираюсь.

Вновь сосредоточился на работе. Первым делом получил базу для своего яда — *Scopolaminum purum*. Его усыпляющая часть. Отделил от растения, сконденсировал и отфильтровал.

Когда ставил колбу, воздух вокруг меня вдруг сгустился. Вязкий, как кисель, он с трудом затекал в легкие, и я ничего не мог с этим поделать. От неожиданности меня качнуло, и, чтобы не упасть, схватился за край стола, выпустив колбу. Она упала на пол и пролилась. Кто-то вскрикнул. Едва это произошло, как наваждение исчезло. Сердце снова застучало ровно и бойко, воздух стал... воздухом. Спокойно входил в мои легкие.

Что. Это. Было?!

— Что? Переволновался? — заржал Каминский. — Смотри не поубивай нас здесь.

— Исаев... — донесся до меня испуганный голос.

Из-за стола Коршунова, отвлекаясь от своих прямых обязанностей, выглядывала Алиса. Лицо ее побледнело, веснушки высыпали мелкими крупинками пепла.

— Секундант! — строго окрикнула ее Хлебникова с часами в руках. — Не отвлекайтесь.

Алиса вернулась к наблюдению за Коршуновым. Я оглянулся в поисках пролитого яда.

К счастью, из колбы вылилось совсем чуть-чуть, спасибо ее форме, а то, что вылилось, впитало специальное покрытие. От греха подальше заткнул колбу резиновой пробкой, хотя должен был сделать это сразу. Расслабился, черт возьми! А враг этим воспользовался.

Оглядев людей вокруг еще раз, не заметил ничего странного. Только Бойлеров смотрел на меня, склонив голову набок и задрал верхнюю губу. Он явно заметил, что со мной что-то не так.

Ладно... Ладно. Продолжим. Такой чепухой меня не выбить из колеи. Знал, что Коршунов будет грязно играть, но ожидал чего-нибудь более хитрого. Сломанного оборудования, например, или недостаток реактивов. Однако с этим все было в порядке. Хотя, учитывая, что Алиса отвлеклась, не такой уж плохой у него план. Мерзавец...

— Шестьдесят минут! — оповестила Хлебникова.

Фигня, успеваю.

Взялся за второй ингредиент. *Citotoxinum*. Токсин, который начинает действовать, только когда жертва засыпает. Постепенно блокирует в мозгу центры, отвечающие за дыхание и сердцебиение.

Морской пчелы, возможно, в этом мире не существует, но я знаю, как получить ее яд искусственным путем. Лабораторные приборы щелкали, булькали и жужжали, перекачивая растворы, смешивая компоненты, растворяя порошки. Работа шла своим чередом. Когда получил токсин, меня снова атаковали, но я уже был начеку. Ждал, что атака произойдет в самый опасный момент, когда буду вынимать склянку с токсином. Даже замер на миг, ожидая ее.

И она последовала.

Воздух снова сгустился. Хотя я и задержал дыхание, но наваждение длилось намного дольше. Минута. Другая. В глазах начало темнеть, сердце гулко забилося в ушах. Грудь распирало раскаленным ядром от желания сделать глоток воздуха. Меня снова покачнуло, и я начал заваливаться назад. Ухватился за край стола, не дав себе упасть окончательно. И снова все исчезло. С шумом вздохнул, чуть не подавившись тугой слюной.

Пронесло... Выпрямившись, увидел, как бледная Алиса ругается с Мариной. Просит остановить дуэль, но та ее не слушает и отгоняет обратно — следить за Коршуновым. Дело доходит до крика.

Правильно, Хлебникова, нельзя дуэль останавливать. Потом замучишься доказывать, что на тебя воздействовали магией, а не просто от волнения получил паническую атаку.

Оглянулся на Каминского — тот самодовольно улыбался, скрестив на груди руки. Показал мне пустые ладони.

Зато в этот раз я заметил, как вокруг меня сплетаются магические Нити.

Хех, нет, Коршунов, тебе это не поможет!

Меня еще несколько раз пытались атаковать, и каждый раз я чуть не терял сознание от недостатка кислорода, но в последний момент меня «отпускало». То ли силы не хватало закончить начатое, то ли не умели. Знать бы еще, откуда... Но сколько ни пытался, отследить не вышло. Эх, будь у меня с собой мой пожарный запас зелий... Кстати, надо будет заняться его созданием. Вот на такой случай.

Алиса из-за атак на меня постоянно отвлекалась, следила за мной. А надо было за Коршуновым! Попытался внушить ей это взглядом, но я не телепат, а она вряд ли поняла.

Но я все равно продолжал делать дело.

Когда Хлебникова начала обратный отсчет, я уже смешивал два компонента с третьим. Веридин — тоже токсин. Но он, по сути, играет роль средства доставки, разрушая барьеры внутри организма и убирая боль.

— Дуэль окончена! — провозгласила Марина. — Сдайте ваши результаты секундантам!

Я отдал запечатанную колбу с кристально чистой голубой водой дружку Коршунова. Алиса приняла такую же у моего соперника. В ней плескался мутный фиолетовый яд.

Почему мутный? Он его не очистил от примесей, что ли? Или так задумано?

Мы с Коршуновым вышли из-за своих дуэльных орудий и встретились возле маленького стола с анализаторами. Встали по разные стороны. Хлебникова вставляла в специальные пазы приборов колбы с ядами.

— Ты в порядке? — почти подбежала ко мне Алиса и взяла в свои руки мое лицо. — Я все видела! Мы этого Коршунова... Так делать нечестно!

— А что я? — с самым невинным видом возразил мой соперник. — Я работал над составом. Какие ко мне могут быть претензии. И кстати, Исаев, к твоему сведению, голых женщин я видел не только на картинках!

— Что? Еще и видео успел посмотреть? Поздравляю! — сказал я ему.

Со стороны зевак послышались смешки, а Коршунов пятнами пошел от злости. Нервный он какой-то.

— Все в порядке, Алиса, спасибо, — тихо успокоил девушку, взяв ее ладони в свои и убрав от лица. — Я свое дело знаю.

Ее глаза лихорадочно блеснули. Щеки вдруг густо покраснели, и она отдернула свои руки, опустив взгляд в пол.

— Если бы знала, что эти ваши химические дуэли так опасны...

— То что?

— Не знаю.

Анализаторы гудели и вибрировали, потрескивали чем-то внутри. Все внимание обратилось к ним. Даже Коршунов перестал зарабатывать себе язву, нервничая, и успокоился. Приборы вдруг синхронно затрещали громче прежнего, и из них выехали бумажные ленты. Хлебникова забрала обе и озвучила результаты:

— Чистота яда Коршунова Юрия — девяносто семь процентов!

— Ха! Съел, Исаев? Пиши рецепт, — глумился он.

Я не отвечал и был абсолютно спокоен. Девяносто семь... Результат подмастерья-второгодки, а он радуется, будто лекарство от гастрита придумал.

— Чистота яда Исаева Максима... — произнесла с бумажной лентой в руках Хлебникова, обвела взглядом людей вокруг, выдержала паузу. — Девяносто девять и три процента!

Неплохо.

Хотя ладно... Не буду сам себя загонять. Отличный результат!

— Вранье! — выкрикнул возмущенный Коршунов, но Марина продолжила:

— Предполагаемые летальные дозы: Коршунов Юрий — пять миллиграмм, Исаев Максим — один миллиграмм! Победил Исаев Максим!

— Неплохо! — с уважением выкрикнул кто-то. — Очень неплохо!

Послышались редкие хлопки. Остальные свидетели тоже бросали ободряющие фразы. Пересекся взглядом с Бойлеровым. С каменным выражением лица он кивнул.

Ну, от него это высочайшая похвала.

— Этого не может быть! — Коршунов вырвал листки у Марины из рук, вчитался. — Предполагаемая? Все это чушь! Что это вообще за критерий? Мы должны установить точную летальную дозу! Тогда можно будет говорить о победителях и проигравших!

Юрий вопил, брызгая слюной, размахивал руками и смотрел на всех широко раскрытыми, почти выкатившимися глазами. У парня явно поехала крыша.

— Летальную дозу можно определить только на живом существе, парень! А это запрещено, — сказал кто-то.

— А как еще тогда победить в этой дуэли?! — кричал Коршунов. — Мы должны провести испытание наших ядов! Только тогда его победа зачтется!

— Слушай, Юрий, тебе бы чаю с ромашкой выпить и хорошенько выспаться, — попытался успокоить я не на шутку разбушевавшегося парня.

Но он уже никого не слушал и не слышал. Подскочил к Хлебниковой, все еще стоявшей возле стола с анализаторами, и сильно толкнул ее в сторону. Я еле успел броситься ей на выручку, подхватив уже возле острого угла моего лабораторного стенда.

— Я в порядке! — сначала выкрикнула она, а потом стала щупать свою голову, проверяя, так ли это. — Останови Коршунова, он что-то задумал!

Юрий тем временем раскрыл ящик стола с анализаторами и вытащил оттуда клетку с белыми крысками.

Заранее припрятал, сволочь!

Красноглазые животные, до этого мирно спавшие, отчаянно запищали. Коршунов рваным движением вытащил одну. Она царапала его ладонь лапками, но он этого не замечал. Свободной рукой схватил колбу со своим ядом, зубами вырвал резиновую пробку, поставил и набрал в длинную пипетку столбик мутной фиолетовой жидкости.

Крыса пищала. Коршунов с силой вставил ей между зубами кончик пипетки, оборвав писк, и вдавил яд в глотку животного.

— Яд нужно проверить! — выкрикнул он испуганно.

Глава 5

— Вам ведь уже известен исход, ваша светлость? — спросил граф Татищев, подливая в бокал Воронова дорогой бурбон из своей самой неприкосновенной заначки.

В темном напитке зажглись янтарные искры света. Двое сидели в удобных креслах и наблюдали за ходом дуэли из полной темноты стеклянного кабинета Татищева. Только слабо светился экран ноутбука на столике перед ними, да по-прежнему искрился в бокалах бурбон.

— Благодарю, — подняв бокал, ответил Воронов. — Да, конечно известен. Мы ведь оба видели одно и то же, разве нет?

На ноутбук приходили данные с каждого из приборов, стоявших на большом столе между дуэлянтами, а также видео с двух маленьких камер. Они следили за руками дуэлянтов.

— Да, господин Воронов. В исходе уже нет никаких сомнений. Остались простые формальности. Так не пора ли нам закончить это представление?

— О нет, Никита, сперва я хочу насладиться зрелищем. Ведь это самое главное в дуэли — поведение победителя и проигравшего, — качнул бокалом Воронов. — Кстати, в какой-то момент мне показалось, что Исаев нас увидел.

— Невозможно, — уверенно заявил начальник отдела ИР. — Это стекло прошло через руки московских артефакторов. Оно скрывает тех, кто внутри. К тому же не стоит забывать об элементарных законах физики. Здесь темно, а свет снаружи. Исаев смотрел на свое отражение, и только.

— Ты прав, Никита, ты прав... — задумчиво ответил Воронов, глядя, как на экранах ноутбука анализаторы рисуют цветные графики и выводят столбцы цифр.

Помолчав, глава филиала произнес:

— Надо признать, твой Коршунов хорош. Так использовать цианистый калий — это надо догадаться.

— Вы льстите не ему, а мне, ваша светлость. Это была моя идея.

— Значит, в таком случае, я не ошибся насчет него. Хорош, последователен, внимателен к деталям, аккуратен, умен... — Воронов сделал глоток. — Амбициозен, я полагаю?

— Вне всяких сомнений, — вкрадчиво согласился собеседник графа.

— Но не имеет ни малейшей капли фантазии. А в нашем деле без творчества никуда. Алхимия — это искусство.

— Алхимия? — удивился Татищев.

Само это слово считалось в «Воронов Фармацевтика» запретным.

— Ты понял, о чем я... — отмахнулся Воронов. — Исаев же другое дело. Он действует инстинктивно, интуитивно понимает, как работают приборы, и делает свое дело. Эта молекула в пептидном синтезаторе... Я не видел ничего подобного. Это акт чистого творчества.

— Вы преувеличиваете, господин граф.

— Отнюдь. Ты знаешь, как мой отец получил формулу синтопиозина? Он годами пытался разработать ее, а однажды ночью она взяла и явилась ему во сне. Вот так просто... — Глава филиала щелкнул пальцами. — И наша компания начала захватывать мир. Все благодаря формуле, которая просто приснилась моему отцу.

— Думаете, Исаев тоже видит такие сны?

Воронов подался вперед и вгляделся в экран.

— Не поверил бы, если бы не видел своими глазами... — пробормотал он и откинулся в кресле назад, игнорируя вопрос Татищева. — И все это несмотря на твою помощь, Никита.

— Ваша светлость? — Татищев инстинктивно попытался увеличить между ними дистанцию, отклонившись. Это не укрылось от наблюдательного Воронова. — Я не понимаю, о чем вы.

— Не включая «дурочку», Никита, — насмешливо вымолвил он. Постучал по золотому пенсне ногтем. — Вручил артефакт одному из дружков своего протеже и думал, что я не замечу?

— Я... прошу прощения, граф. Я сделал это, чтобы узнать рецепт той кислоты Исаева. Под влиянием момента.

— Ну и прекрасно... Теперь мы знаем намного больше... О! Кажется, твой протеже окончательно сошел с ума.

Граф снова наклонился вперед и с улыбкой закрыл экран ноутбука. Качнул жидкость в бокале и сделал глоток, расслабленно откинувшись в кресле. Снаружи события набирали обороты.

Яд.

Ценность яда вовсе не в его способности убивать. Он решает проблемы. И делает это тихо и незаметно. Убрать неугодного политика, избавиться от конкурента, освободить себе место в очереди на престол, предотвратить войну из-за решений безумного короля или покарать преступника. Причин для применения яда множество.

Хороший яд не причиняет боли, действует быстро или медленно, скрытно и не оставляет следов, растворяясь в организме жертвы. Остается лишь тонкий запах миндаля или цветочный аромат.

Как говорил мой наставник, яд — орудие тишины. До сих пор не до конца понимаю, что это значит.

То, что Коршунов влил в глотку маленькой белой крысе, ядом не было. Чем угодно, но только не ядом.

Крохотное животное, прижатое рукой Коршунова к столу, закашлялось, выплевывая фиолетовые капельки яда.

— Чуть не захлебнулась... — ахнул кто-то.

Первые секунды ничего не происходило. Я помог Марине встать на ноги и уже подумал, что пронесло — Коршунов даже яд нормальный сделать не смог. А потом крыса закричала.

Нет, это был не писк. Это был именно крик. Никогда не думал, что крохотный крысеныш может так кричать. Истошно, надрывно, во всю мощь маленьких легких. Тонкий визг разлетался по лаборатории, резал уши и кинжалом вонзался в сердце. Крысеныш сучил розовыми лапками, лупил хвостом по столу, пытался укусить Коршунова.

Коршунова просто стоял, прижимая маленькое трепещущее тело, и глупо ухмылялся.

— Вот это я понимаю, яд! — выкрикнул он, не отрывая взгляда от мучений крысы.

Да, я понимал, что первыми, на ком испытывали новые лекарства или вакцины, были белые мыши или крысы. Белые, чтобы можно было увидеть любое изменение на коже. Специальные породы альбиносов выводились и в моем мире. Их всех ждала участь первых подопытных, а потом — смерть. Рано или поздно.

Но не такая.

От этого крика, от взгляда маленьких красных глаз, в которых отражалась бездна боли и которые, по какой-то неизвестной мне причине, уставились на меня, в душе все переворачивалось.

— Твою мать, кто-нибудь остановите это! — взмолился еще один голос.

Как любой алхимик, я любил жизнь. Любил и смерть, как закономерный итог, точку или эпилог. Но не мог смотреть, как одно живое существо заставляет страдать другое ради собственного удовольствия.

Я уже был взбешен к концу дуэли, но сдерживался. Барьер от чувств, что я поставил, чтобы сосредоточиться на дуэли, смело, будто карточный домик, волной ярости вперемешку с жалостью.

— Тупой ты сукин сын! — заорал я во всю глотку, в один шаг подскочив к Коршунову.

Он оглянулся, и я изо всех сил зарядил ему в челюсть. Под костяшками ощутимо хрустнуло, а в глазах Коршунова на миг мелькнуло удивление. От удара он отлетел в сторону, и крыса освободилась от его хватки. Ее тело гнули мучительные судороги. Помочь ей я мог лишь одним способом.

Прижал своей рукой орущего крысеныша к столу. Маленькие коготки тут же процарапали ладонь до крови. Но боли я не чувствовал. Ощущал только очень маленькое и очень сильное тело под своей ладонью. Крыса уже не кричала, а едва слышно хрипела. Под ее шерсткой пухли черные вены.

Другой рукой вытащил свой яд из анализирующего прибора, и набрал несколько голубоватых капель в трубку с грушей на конце. Зажал голову крысы между указательным и большим пальцами и выдавил одну каплю. Хрип оборвался — крысе пришлось сделать глоток — и не возобновился. Она закрыла рот, хвост перестал хлестать по всему вокруг, лапки тоже расслабились, и тогда я ослабил хватку.

Черные вены никуда не делись, но стали спадать. Белая шерстка испачкалась моей кровью. Словно ягоды калины выпали на белый снег. Я взял обмякшее тело в ладонь и позволил крысе свернуться на ней калачиком. Она зевнула и закрыла глаза. Грудь умиротворенно поднималась и опускалась. Мой яд начал действовать. Лишил крысу боли и усыпил ее, а теперь постепенно замедлял в ней течение жизни.

Грудь опускалась все медленнее и медленнее. Кожей чувствовал биение крохотного сердца.

Тук-тук.

Тук-тук.

Тук.

Тук...

Бок крысы поднялся и опустился в последний раз. Установилась такая тишина, что было слышно, как шуршит вентиляция. Короткая белая шерстка слегка дрожала под слабым потоком воздуха. Я положил трупик на стол. Все было кончено.

Оглянулся. Думал, что все взгляды обращены на меня, но нет, все смотрели на Коршунова, который все еще лежал на полу, держась за лицо. В глазах смотревших не было и капли жалости или сострадания к нему.

— Да что с вами такое? — еле пробубнил он. — Это же просто крыса! Они у нас каждый день пачками умирают!

Люди качали головами и отворачивались от него. Даже Каминский, его друг, сунул руки в карманы и пошел прочь. В голове и груди у меня звенела пустота.

— Единственная крыса здесь — это ты, Коршунов, — холодно сказал, поворачиваясь к нему. — Что ты добавил в яд?

— Ничего я не добавлял...

— Помимо цианистого калия и других ингредиентов... — тихо вымолвил, а затем все же сорвался на крик: — ЧТО ТЫ ДОБАВИЛ В ЯД?!

Коршунов, глядя в мои глаза, откровенно струхнул и попытался отползти, но я наступил на край его халата.

— Синтопиозин, — выдавил тогда он.

Что ж... Мог бы и сам догадаться.

— Право на артефакт, — сказал я так, что любому стало бы ясно: больше ни одного слова я на этого мудака не потрачу.

Он дрожащей рукой залез в свой карман и вытащил плоский диск, похожий на старинную монету. Нажав на край, открыл ее, проколол палец выскочившей иглой и поставил кровавый отпечаток. Я забрал диск и пошел прочь. Девушки — за мной. Мы уходили уже почти самыми

последними. Оставался только Бойлеров, который покачал головой, глядя на Коршунова, а затем тоже двинулся к выходу из лаборатории. Коршунов один остался сидеть между столами, обнимая колени одной рукой.

Только в нашем кабинете все пришли в себя.

— Исаев, у тебя же кровь! — первой опомнилась Алиса, схватив меня за руку.

— Да чепуха, — попытался я отмахнуться, но рыжую невозможно было переубедить.

Не успокоилась, пока не обработала царапины и не заклеила их пластырем. Мол, а вдруг бешенство. Угу, у стерильной лабораторной крысы.

— А что ты выиграл? — спросила Хлебникова, передевая халат на пальто. — Если не секрет.

Мы стояли возле шкафчиков. Там же была и аптечка, которую использовала Алиса.

— Секрет, Марина, еще какой секрет.

— Как скажешь, — безразлично пожала она плечами.

А я вспомнил, про атманит. Будет чем заняться вечером.

— Эй вы, трое, вы все еще здесь? — раздался от дверей голос Бойлерова. — Я вам напомню, что рабочий день уже закончился, а за сверхурочное протирание штанов вам здесь никто не заплатит. Валите уже! — И более миролюбивым тоном добавил: — Завтра у вас выходной. После такого лучше отдохнуть денек. А подготовку к комиссии я сам закончу. Все равно пароли ваши знаю.

— Что значит, знаете наши пароли? — У Марины от удивления чуть очки с носа не съехали.

— Молчи! — взмолилась Алиса. — Пошли, пока он не передумал насчет выходного!

Рыжая, зажав в подмышке свое пальто с сумкой, другой рукой потолкала брюнетку к выходу. Это зрелище вызвало у меня искреннюю и теплую улыбку. Да и мне самому как-то приятно стало. Отдел жил своей странной жизнью, и даже Марина умудрилась в него вписаться. Мне это нравилось.

Я накинул на плечи свою куртку и тоже пошел на выход.

— Эй! — окликнул меня Бойлеров, когда я проходил мимо.

Он стоял перед своим столом, сжав кулаки в карманах. На лице у него не застыло, а скорее переливалось выражение крайнего напряжения. Будто под кожей боролись два человека. Один хотел ободряюще улыбнуться и даже, возможно, мне, а второй хотел сожрать с потрохами. И совершенно точно меня. То, что Бойлеров собирался сказать, явно было для него нетипичным.

Поэтому я остановился, чтобы послушать.

— На этой работе порой приходится принимать непростые решения, — заговорил он хриплым голосом. — Очень непростые. Просто поверь мне. Ты все сделал правильно.

— Вы про крысу или удар в челюсть? — хмыкнул я с улыбкой.

— Ой, да вали уже! — взорвался Иван Степанович.

— Обязательно, но сперва сделаю вот что.

Я потянулся к нему, широко раскрыв объятия.

— Только попробуй меня обнять, Исаев! Клянусь, если ты сделаешь это, я перегрызу тебе артерию зубами, — шепнул он, когда я приблизился. — А потом себе, чтобы забыть об этом.

Мне стоило больших усилий, чтобы не расхохотаться, но я ответил:

— Я знаю, что втайне вы мечтаете о теплых дружеских объятиях, но этому не бывать.

Пока по его лицу маршировала целая гамма эмоций, начиная от раздражения и кончая обидой, я нащупал на его воротнике сзади комочек и распустил узел. Поймал в ладонь вшитый там недавно артефакт и тут же спрятал его.

— Что ты... Привкус... он пропал! — трогал свои губы Бойлеров. — Что ты сделал, Исаев? Я больше не чувствую вкуса яичного латте!

— Эта тайна умрет вместе со мной! — махнул я ему рукой на прощание и вылетел из кабинета.

Девушки ждали меня за его пределами.

— Алиса, твое предложение отметить окончание испытательного срока все еще в силе?

— Я думала, ты никогда не спросишь! — чуть не подпрыгнула от радости рыжая.

— О нет... — вздохнула Марина. — Не верю, что скажу это, но я с вами.

Местечко оказалось вполне себе неплохим. Списанный теплоход пришвартовали навечно и превратили в ресторан с несколькими ярусами. На самом нижнем — танцпол с баром, выше — ложи для привилегированных персон и прогулочная палуба, откуда можно было любоваться, как по реке идут прогулочные катера, баржи, яхты.

Вход через фейсконтроль, который мы миновали без особых проблем. Охранник, открывший нам цепочку трапа, с завистью посмотрел на меня. Честно говоря, Исаев внутри меня сам себе завидовал. Иду в бар с одной горячей и одной холодной красотками. А сам я не сказать, что красавец. Но женщины и не на внешнюю красоту падки, а на кое-что другое. Я называю это внутренним стержнем.

Внутренним! А не внешним. Но он тоже влияет...

Что-то я отвлекся. Алиса сразу провела нас на нижнюю палубу, где мы расположились за небольшим круглым столиком с диванами — подальше от колонок. Музыка здесь долбила не так сильно.

— Как давно я мечтала сюда попасть! — подпрыгивала на месте, будто под задницей иголки, Алиса.

— Обычная забегаловка, — пожала плечами Марина.

Но по ее взгляду я видел, что и ей как минимум интересно.

Официант принес меню, которое сразу убавило пыл рыжей, а у брюнетки вызвало скептическую ухмылку.

— Да, с нашей зарплатой тут не разгуляешься... — расстроилась Алиса.

Я положил руку поверх ее меню, придавив к столу, и произнес:

— Не беспокойтесь, дамы. Я сегодня одержал победу в дуэли и выиграл очень ценную вещь. Так что угощаю!

— Ура! — сразу завизжала рыжая.

Марина не поделила ее радости.

— Женщина, имей хоть капельку самоуважения. Я сама за себя заплачу, Исаев.

— Не заплатишь, — пожал плечом. — Даже не пытайся. Не сегодня, наша ты гордость и независимость.

Ее стальные глаза превратились в узкие щелочки, брови сошлись на переносице.

— И откуда у тебя такие деньги, Исаев?

— Много будешь знать, скоро состаришься, Мариночка! — оборвала ее Алиса и чуть верхом на нее не залезла, пытаясь подозвать официанта. — Сюда! К нам!

Тот подошел и принял наш заказ. Девушки выбрали закуски и дорогие коктейли (да, даже Хлебникова, но она скорее мстила мне за наглость... наивная), а я сделал выбор в пользу двенадцатилетнего виски. Хотелось попробовать, какой он здесь, в этом мире.

Контингент для такого заведения был обычный. За столиками располагались компании девушек и парней, иногда мужчин в возрасте и девушек. Все одеты дорого и модно. На танцполе извивались тела в такт музыке. У шестов крутились плохо одетые красотки. Между столиками сновали официанты и официантки. Последние были одеты более развязно, чем их коллеги-парни.

Если подумать, обычный клуб, но посетители и расположение делали его дорогим. Я не видел здесь парней, вроде Славика и его друзей. Ну, тех ребят, что гнались за нами в парке, и с которыми я теперь тренировался.

Отвык я от подобных заведений. Даже не вспомню, когда был в таком в последний раз. Полтора века назад? Около того.

Вскоре нам принесли заказ и после пары порций выпивки, пришло расслабление. Бледные щеки Хлебниковой быстро порозовели, а в глазах появился сдержанный лукавый блеск. Алиса же и так была весела.

Мы болтали обо всем и ни о чем сразу, вспоминали дуэль и хаяли коварство Коршунова. Тему с крысой старательно обходили стороной. Не хотели вспоминать лишний раз. Главное, что все уже было позади.

— Надеюсь, его уволят! — потрясала кулачком Алиса.

А Марина ей возражала:

— Вряд ли — он способный работник. Возможно, понизят, и то только если начальство узнает.

— Тогда... Тогда... — Алиса беспорядочно шарила глазами по столу, ища, как выплеснуть накопившиеся чувства. Схватила свой бокал. — Тогда за крыса! За маленького мученика!

— За крыса! — согласилась Хлебникова.

— За крыса. — Поднял свой бокал.

Чокнулись и выпили.

О Коршунове постепенно забыли. Слишком приятная компания, чтобы о нем думать. Виски оказался хорош, и я заказал еще пару порций. Сходили и на танцпол, где я поймал множество любопытных и завистливых взглядов. Женские вопрошали, что эти две красотки во мне нашли, а мужские: «А почему он, а не я?»

Хлебникова оставила очки на столике, распустила свой вечно тугой узел на затылке, и волосы черным водопадом упали ей на плечи. В танце двигалась она сдержанно и пластично, словно пантера. Алиса же горячилась, как лесной пожар. Это было прекрасное зрелище, которым я любовался слегка пьяным взглядом. Музыка выбивала из головы все мысли, свет мелькал разноцветными вспышками, сердце гнало по венам раскаленную этой ночью кровь.

— Должна признать, это было весело, — сказала непривычно румяная Марина, когда мы оба упали за наш столик.

— Да, пожалуй. Стоило выбраться после всех этих напряженных дней... — кивнул ей, откидываясь на спинку дивана.

— Я о дуэли. Давно... не испытывала такого азарта. Приятно было наблюдать за твоей работой, Исаев. Я болела за тебя.

— И именно благодаря этому я победил... да? — специально поддел я ее.

— Максим, ты иногда такой засранец... — хмыкнула Марина.

Ого! Крепкое словцо из ее уст все равно что снег в июле!

— Ладно, приятно было отвлечься, но через полчаса я должна спать. Придерживаюсь режима. — Хлебникова зажала в зубах заколку, свернула волосы в пучок и надела очки. — Пригляди за нашей ржавой красотой, а то к ней уже одна парочка клинья подбивает...

— Алиса взрослая девочка, а я не нянька. Доброй ночи, Марина.

— Доброй, — бросила она и пошла к выходу. Снова сдержанная, холодная и грациозная.

На всякий случай осмотрел стол, но Хлебниковой хватило ума не упорствовать и не оставлять деньги за себя.

Несмотря на сказанное, я все же огляделся в поисках Селезневой. Не то чтобы ревновал или что-то такое — все мы взрослые люди. Просто неприятно сосало под ложечкой, как будто я что-то упускал из виду.

Толпа погустела, но я все же отыскал глазами яркую рыжую шевелюру возле барной стойки. Сердце екнуло. Марина была права: двое молодчиков криминального вида постепенно оттирали девушку от остальной толпы. Я вскочил и направился туда, уже внутренне ожидая неприятностей.

Они не заставили себя ждать. Когда бармен поставил перед нею коктейль, левый парень, курносый, смачно шлепнул девушку по заднице.

Я был уже в двух метрах от них — меня задержала толпа — и горько сожалел, что не успел перехватить его руку. Алиса подпрыгнула, взвизгнув.

— Отличная попка, детка! Не смог удержаться! — сказал курносый.

Селезнева вспыхнула и вмазала ему звонкую пощечину. Парень аж слегка окосел и пошатнулся.

Звук получился громкий, инцидент вверг девушку в краску и привлек внимание всех вокруг. Но не мое.

Я четко видел, как второй парень с зализанными черными волосами, оказавшийся за спиной Алисы, вытащил пакетик с белым порошком и всыпал в ее коктейль.

— Эй ты! — рявкнул я, наконец продравшись сквозь толпу.

Парень оглянулся как раз вовремя, чтобы схлопотать прямой удар в нос. Боль ослепила его, он взвыл, упав на барную стойку.

— Исаев! — удивилась Алиса. Да и остальные, кто был рядом, тоже. — Это не он лапал меня!

— И до того очередь дойдет! — огрызнулся я, хватая за шкурку зализанного.

Перевернул его спиной вперед и влил ему в рот коктейль Алисы.

— Да какого фига ты творишь?!

Парень пытался выплюнуть отравленный напиток, но я зажал ему челюсть руками, а пальцами сдавил ноздри. Ему пришлось проглотить.

— Ай! — вырвался он, наконец. — Да ты хоть знаешь, кто я такой?

— Нет. А ты знаешь, кто я... — начал было говорить, но гад зашатался и упал, а миг спустя захрапел.

Увидев, что произошло с его дружкой, тот курносый нырнул в толпу и растворился в ней.

— Они меня хотели отравить! — догадалась Алиса, трезвея на глазах.

Если такое творится прямо под носом у бармена и камер, то эти парни точно действовали не одни. И сейчас курносый пошел за подмогой. Даже если нет, рисковать я не собирался. Схватил рыжую за руку, и мы вместе выбежали на улицу. Благо все наши вещи были при нас. Бросились в такси, дежурившее у входа, и увидели в окно, как несколько парней во главе с курносым выбежали на улицу.

Когда сияющий теплоход скрылся за поворотом, Алису накрыло.

Глава 6

В машине было на удивление тихо. Чувствовалась только легкая вибрация да работа подвески на трещинах в асфальте и небольших ямах. А вот Алису натурально трясло. Адреналин схлынул, и девушку накрыло осознание того, что могло произойти. Она безотчетно схватила мою руку и крепко ее обняла, прижалась щекой к плечу. Ткань куртки тут же пропиталась влагой.

— Что... что они собирались сделать? — шептала она. — Что вообще произошло?

В такой ситуации можно повести себя двумя разными способами. Первый: сказать, что все позади, все хорошо, и сделать так, чтобы человек как можно скорее забыл произошедшее. Не самый плохой вариант. Бережный для психики. Но вот усвоит ли человек урок? Будет ли готов к подобному в следующий раз? Вряд ли.

Поэтому я пошел вторым путем.

— Их было двое. Один отвлек твое внимание, когда ты получила напиток, второй подсыпал в него какой-то порошок. Именно это я и увидел, когда шел к тебе. Не будь меня, первый бы после твоей пощечины отвалил, и ты забрала свой коктейль. Пошла бы обратно к столику, по пути сделала глоток и потеряла сознание, а они подхватили тебя. Что они планировали делать дальше — не знаю. Но вряд ли хотели, чтобы ты выпалась.

Я закончил речь и замолчал. Алиса тоже молчала, но я видел, как ее все еще трясет, а мокрые губы что-то шепчут. Думаю, ценный урок усвоен. И в следующий раз она отвесит пощечину и первому и второму.

— Кстати, отличный вышел удар, — решил переключить внимание девушки с негатива на позитив. — Я думал, у него мозги вылетят.

Она хмыкнула.

— Спасибо. Я старалась.

Я высвободил свою руку из ослабевшей хватки и обнял девушку. Она не стала этому противиться. Помнится, в первый день нашей встречи у меня сложилось впечатление, что Алиса, как вчерашний подросток, еще хватается за какой-то свой старый иллюзорный мир, прячется в нем, как в ракушке, которая по швам трещит. Сегодня этот мир рухнул окончательно. Теперь она будет старательно собирать новый.

— Голубки, а куда едем-то? — спросил молчавший до этого водитель.

— Не хочу оставаться одна сегодня, — шепнула Селезнева, и я назвал свой адрес.

Свет в прихожей включать я не стал — стянул ботинки и прошел сразу налево, на кухню, где и щелкнул выключателем. Не хотел разбудить Романа, если он уже пришел со смены. Девушку усадил в угол стола, а сам занялся приготовлением успокаивающего отвара. Ничего алхимического. Немного *Leonurus cardiaca*, корень *Valeriana officinalis*, листья *Mentha piperita* и третья *Cinnamomum verum*. Вскоре по кухне распространился тягучий травяной запах с коричневой пряностью.

— Как будто травяной глинтвейн, — сказала Алиса. — Ой, а мы ведь не заплатили за столик!

— С таким сервисом они нам еще должны остались.

— Тоже верно.

— Вот, держи. Поможет уснуть сегодня.

Протянул девушке дымящуюся кружку. Она с благодарностью приняла ее и подула на горячую, слегка зеленоватую поверхность.

Вдруг в коридоре раздался скрип, а следом звук шаркающих шагов. В коридоре появился заспанный Роман в майке в облипку и боксерах.

— Макс, только не шуми... — сонно скользнул он по кухне взглядом и вошел в туалет, щелкнув выключателем. Спустя секунду его голова показалась вновь, но на этот раз глаза были широко раскрыты от удивления. — Макс, как ты такую крас...

Закончить он не смог. Так сильно отклонился назад, стоя возле белого трона, что не удержал равновесие и вылетел обратно в коридор.

Пришлось идти и проверять, не ударился ли он головой. Роман лежал в коридоре, лупая в темноте глазами.

— Да ну на хер! — выдавил он, когда я поднял его. — Не, ну ты видел? Видел? Она же просто сногшибательная! Как ты...

— Ш-ш-ш... — попросил его. — Уверен, зеркалом она пользоваться умеет.

— А еще я все слышу! — донесся насмешливый голос.

— Пойдем, познакомлю со своей коллегой.

Я вытянул Романа на кухню, где познакомил с Алисой. Вкратце мы вдвоем пересказали события этого вечера. На середине истории я даже пожалел об этом. Друг очень близко к сердцу воспринял дуэль, вытирая слезы на глазах, выдал:

— Мышку жалко!

Пришлось ему тоже успокаивающий отвар налить. Зрелище плачущего мускулистого мужика странным исцеляющим образом подействовало на Алису. Она мягко улыбалась, поглядывая на меня, пила отвар и живо и эмоционально рассказывала свою часть истории.

После окончания Роман резко посерьезнел.

— В каком клубе, говорите, были?

Алиса назвала и спросила:

— А что? Это важно?

— Пока не знаю, но история точно паршивая. — Как будто мы этого не знали. — Последнее время участились пропажи девушек. В наше отделение поступило уже пять заявлений от родственников за последний месяц. Слышал, что в других районах ситуация не лучше.

— И что говорит следствие? — задал вопрос я.

Роман в ответ нахмурился и огрызнулся:

— Откуда я знаю? Я же не следователь, а просто патрульный. Пока...

— Ладно. Выпей еще отвара, а я пойду постелю Алисе свежее белье. Ты пока развлекай гостью.

— О! Это я с радостью! — вскочил друг. — Сейчас схожу за маслом...

— На фига?

— Как на фига? Подчеркнуть рельеф мышц, — он напряг массивный бицепс с сеткой вен. — Устрою ей шоу!

М-да... Все мозги в бицепс, что ли, ушли?

— Придурок, — осадил я его пыл. — Беседой развлекай.

— А-а-а...

Алиса спрятала лицо в ладонях, а ее плечи мелко тряслись.

— Ты прав, ты прав, — покивал Роман. — Алиса, я прошу прощения, при виде такой красоты у меня просто мозги набекрень сразу встают. Хотите, расскажу пару случаев со своей работы?..

Нужно прибраться в комнате, прежде чем укладывать туда Алису спать. Во-первых, как уже сказал, сменить белье, а во-вторых, убрать всякие алхимические штуки в шкаф. Например, атманит, завернутый в ее платок, кое-какие остатки рога гриборога. Да и вообще все опасное сложить в шкаф и запереть на ключ. А то понюхает споры *Cornufungus profundus*, и сны реальностью станут. Или наоборот.

Сделал все, как и планировал. Как-то даже в мыслях не было Алису укладывать на пол или на диван в зале. Вернулся на кухню, где Роман заканчивал историю:

— ...а он и кричит: «Димо-о-он!» А Димон уже на лыжи встал. Тут остальных и повязали. А вот и Макс! Значит, пора спать... Спокойной ночи, Алиса.

— С-спокойной... после такой-то истории.

Алиса встала с дивана и прошла в коридор мимо меня. Пока она не видела, Роман корчил рожи, общий смысл которых был таков: боже, какая красота! Просто бомба, а не задница. Почему ты ее привел, а не я!

— Доброй ночи, Роман, — пожелал ему, покачав головой.

Вот что с человеком делает присутствие в жизни только работы и полное отсутствие личной жизни. Последней девушкой, которую он держал в руках, была, пожалуй, только дочка Листницкого. Но я в него верил.

Проводил Алису до своей комнаты и показал постель.

— Пахнет, как на весеннем лугу, — сказала она, глядя на гирлянды развешанных под потолком трав. — Выходит, Коршунов был прав насчет тебя? Ты все-таки алхимик?

Вздохнув, пояснил:

— Считаю меня просто ботаником. Здесь ничего алхимического нет, только травы. Ты, кстати, из них отвар пила успокаивающий. Так что переодевайся, умывайся и ложись спать. Здесь тебе ничего не грозит... — на секунду задумался и показал на один подвешенный пучок. — Если, конечно, не съешь вон ту траву полностью. Она ядовита.

— С-спасибо... — отвечала Алиса с округлившимися глазами. — А ты... где будешь спать?

— На диване, — кивнул в сторону зала. — И не вздумай ко мне ночью приставать!

— Даже не собиралась! — вспыхнула румянцем рыжая.

А я закрыл дверь в комнату, умылся и нырнул под одеяло, отдаваясь на остаток ночи в лапы сна.

Жаль, продлился он недолго. Проснулся от того, что что-то теплое коснулось моей щеки. Потом это теплое забралось ко мне под одеяло, прижалось горячим телом и прошептало:

— Сказала же, не хочу спать одна, — обожгла шепотом ухо Алиса.

Затем ее губы нашли мои.

Секс — он как яд. Им можно убить или ранить. Устроить профилактику организму, чтобы он стал сильнее. Забыться с его помощью. Проявить любовь. А можно исцелиться. Все зависит от дозы и способа применения.

Для Алисы, кажется, он стал даже не забвением, а лекарством. Чтобы вновь почувствовать себя цельной, живой и принадлежащей самой себе.

Для меня? Ну, скажем так, я не верю в любовь с первого секса. Но верю, что это прекрасное занятие дает тебе жажду жизни.

Утром проснулся первым. Хоть и не выспался, но чувствовал себя на высоте. Сварил кофе, и на его запах вышла Алиса в моей футболке, что едва скрывала ее стройные красивые ноги и сочную упругую попку. Из-под ткани на уровне груди зазорно торчали два остроконечных бугорка.

Молча улыбнувшись мне, Алиса сделала большой глоток кофе и так же молча взялась за приготовление завтрака: поджаренные тосты с глазуньей вместо сердцевинки и несколько ломтиков бекона.

Пожалуй, зрелище соблазнительной женщины у плиты — одно из тех, за которым можно наблюдать вечно.

За этим занятием меня и застал Роман, грохнув ладонью о мутное стекло кухонной двери.

— Я... не спал... всю ночь! — взревел он, бурявая меня красными от недосыпа глазами.

Краем глаза увидел, как заалели щеки Алисы.

— Прости, друг, — с улыбкой развел руками. — Мы малость увлеклись.

— Увлеклись? Увлеклись?! Ты забыл, что я сплю за стенкой? Это не так называется!

Алиса начал краснеть не только лицом, но и всеми голыми участками тела. Роман прошел в кухню, сел напротив меня.

— Знаешь что? Я отомщу! Я... я приведу сразу двух и устрою оргию прямо у тебя под дверью!

— Ром, — вкрадчиво ответил ему, сделав глоток кофе, — да ради бога. Я не против, если их не будут звать Правая и Левая.

Алиса фыркнула и громко засмеялась, чуть не уронив сковородку. Я тоже заржал, глядя на обескураженное лицо друга. А потом и он присоединился: когда до него дошел смысл сказанного, захохотал до слез.

Завтрак прошел в абсолютно дружественной атмосфере. Вскоре Роман ушел на работу, а мы с Селезневой еще разок закрепили ее исцеление в утреннем душе. После этого она отправилась домой на такси. Проводил ее до подъехавшей машины, а сам пешком отправился на тренировку.

Да, они шли только вечером, но я заметил, что Тренер живет в своем зале. Надеюсь, не откажет мне в тренировке из-за слишком раннего визита. Сегодня выходной, и я хотел использовать его на полную катушку.

Настроение было хорошим, погода — отличный легкий морозец. Даже если из меня захотят все соки выжать — я готов!

Ожидаемо дверь зала оказалась заперта, и я настойчиво постучал в нее. Скоро щелкнули замки, и проход открылся.

— Исаев? — хмуро спросил Тренер. На нем был спортивный костюм с мелким пурпурным узором и кепи, на носу — очки. — Когда я говорил приходить к семи, я имел в виду к семи вечера, а не утра.

— Большие планы на вечер, Тренер.

— Ладно, заходи — вместе со мной разомнешься.

Честно говоря, после двух тренировок я уже заметил небольшой прогресс. Организм слегка окреп, стал выносливее (особенно это было заметно ночью), мышцы послушнее. Это дало мне повод думать, что буду легче переносить тренировки.

Как же жестоко я ошибся.

Когда переоделся в форму, Тренер уже разогревался, махая руками в наклоне.

Кстати, надо бы себе свою форму купить, а то до сих пор ношу и стираю одежду Романа. Блин, даже звучит так себе.

— Эй, а с руками что? — показал на мои кулаки Тренер. Один был перебинтован Алисой, второй — сбит после двух сильных ударов.

— Ну... — вспомнил я череду событий. — Одной рукой я вчера спас жизнь, второй — отнял ее.

Тренер протер очки и прищурился.

— Исаев, меня не интересует, чем ты занимаешься вне моего зала. Но у меня есть два правила, которые надо соблюдать. Первое: ко мне не должны прийти менты посреди ночи из-за тебя. Второе: мы не деремся за пределами зала.

— А Славик в курсе? — хмыкнул я, припоминая погоню и нож в подворотне.

— А Слава для тебя — мерило чести и достоинства? Мне здесь не нужны люди, которые ответственность за себя вваливают на других. Или ты все-таки из тех, кто своей головой думает?

— Туше. — Память Исаева подсказала подходящее выражение.

— Тогда начинай разогреваться.

Я стал повторять те упражнения, которым меня научила в прошлый раз Лиза. Прыжки, махи и вот это вот все, чтобы кровь насытила мышцы кислородом, разогрела их, сделав эластичными.

— А что Славик? — как бы между прочим спросил Тренер.

— Да так, ничего.

Я уже понял, что сболтнул лишнего сгоряча. Не собирался перекладывать свои проблемы на Тренера или сводить счеты его руками. Это не по мне, сам разберусь. К тому же стукачей никто не любит. Я в том числе.

Через полчаса я понял, что ошибся, когда оценивал свои силы. Еще через полчаса бега, отжиманий, приседаний и прочего я задумался, а есть ли жизнь за пределами этого зала? А еще через полчаса Тренер сказал:

— Ну все, размялись — начнем тренировку.

Хах! Прямо как мой старый наставник. Скучаю по этому брюзге.

Ладно, тренировка так тренировка!

— Корпусом! Корпусом доворачивай! — покрикивал Тренер, и я доворачивал. — Вот так. Вот так. Ладно, ямэ, на сегодня с тебя хватит. Не забудь закрыть белково-углеводное окно. Тут неплохая шаурмяшечная за углом.

— Спасибо, Тренер, — едва смог выдохнуть.

Последние полчаса я снова ощущал себя пушинкой. Очень мокрой от пота пушинкой. Мышцы сначала ныли от нагрузки, а затем просто онемели. Нервы отказались передавать от них сигналы — мол, все равно не помогает тебя остановить.

Тренер поработал со мной на славу.

Кое-как довел до раздевалки и закинул свое тело в горячий душ. Стало легче, мышцы ожили. Переоделся и направился на выход, где нос к носу столкнулся с Лизой.

— О! Какие люди! — Она подалась вперед и совершенно неожиданно шлепнула меня по заднице.

Я даже возмутиться не успел, как нога подкосилась и пришлось встать на колено.

— Да... Тренер гоняет тех, кто приходит не по расписанию, — криво улыбнулась она.

— Я догадался уже, — простонал, с трудом поднимаясь. — А ты здесь что делаешь?

— Люблю пожестче, — подмигнула чертовка с косой. — Тренировки, а не то, что ты подумал.

А я вообще не успел что-то подумать. Соображал очень плохо пока что.

— Дратся с самыми сильными — вот единственный способ стать сильнее. — продолжила она.

— Насчет единственного я бы поспорил, но в остальном согласен. Ладно, удачной тренировки, Лиза.

— Ага, еще увидимся, — махнула она рукой и пошла мимо.

А я извернулся и шлепнул по заднице уже ее.

— Эй! — взвилась девушка.

— Квиты!

Улыбнулся, пожал плечами и направился в окно. Белково-углеводное. Прямо за соседним углом.

Шаурма придала мне сил, и дома я занялся приготовлением простенького укрепляющего зелья. Простенького в обычном состоянии, а у меня сейчас слегка тряслись руки. Но это прошло через несколько часов. А когда закончил с зельем и оставил его «доходить», чтобы узел Нитей, что я сплел, как следует набрал магической прочности, решил заняться еще одним важным делом.

Точнее, двумя. Перво-наперво сделал небольшую уборку, сменил на диване и кровати белье, кинул в стирку потную форму.

А вот теперь черед второго важного дела. Я отпер ключиком отсек в шкафу и вытащил на свет сверток зеленой батистовой ткани. Положил на стол и стал разворачивать.

— ...ен моржовый! — сразу донеслось оттуда, едва я ослабил узел. — Поматросил и бросил! Кто так делает?! Дай еще магии! Дай-дай-дай...

— Это ты до буквы «Д» дошла, Морвина? — перебил я разговорчивый атманит, развернув артефакт до конца.

Атманит, лежа вверх лицом, вперил в меня свои злобные глазки.

— До ручки я дошла! До ручки! Три дня! Три дня ни крошки магии во рту! Ты хоть знаешь, чем это чревато для меня?

— Похудением?

Крохотная женщина с сотней острых, как иглы, зубов, угрожающе зашипела. Будь она побольше, у меня бы мурашки побежали по спине.

— Парень, — глухо зарычала она, — ты сейчас ходишь по офигенно тонкому льду. Я ведь в прошлом женщина, не забывай... И ты не мой хозяин. Вот соберу сейчас последние крохи магии и... Верни меня моему хозяину! Или я тебе гортань отгрызу! Нет... кочерыжку твою на лоскуты разорву, понял меня?

— А вот тут ты ошибаешься... — залез я в карман джинсов и нащупал там диск.

— Что? Кочерыжкой не вышел? Нечего рвать? — не прекращала сквернословить маленькая железная женщина.

— Нет, Морвина, не в этом дело. Просто я теперь твой Хозяин...

Вытащил из кармана диск и замолчал, наслаждаясь эффектом. Атманит открыла рот и глупо хлопала глазами. Знала, что это такое. Потом выдохнула:

— Сука...

Глава 7

В моем мире Право на артефакт тоже передавалось через кровь. Я имею в виду такие артефакты, как атманиты. Духовные, если угодно. Чтобы его передать, нужно желание Хозяина и кровь того рода, к которому переходит артефакт. При контакте одной крови с другой Право переходило новым Хозяевам. Там, откуда я родом, это происходило с помощью специальных артефактов, похожих на длинные тонкие шприцы. Кровь перемешивалась внутри.

Здесь использовались диски с кровавыми отпечатками. И сейчас я собирался проткнуть палец и поставить свой отпечаток поверх коршуновского.

— Подожди! — попросила Морвина. — Только скажи, как ты получил Право?

— Тебя проиграли в дуэли, — отвечал я.

— В-в дуэли? То есть, кто-то погиб ради меня? Что ж... это достойно.

— Да нет... Ай! — Я проколол палец иголкой на диске. Больновато. Как комарик укусил. Большой такой садюга-комарик. — Никто не погиб. Один из твоих Хозяев хотел узнать рецепт моей кислоты. Поставил на кон Право.

— Ч-ч-что? — опешила Морвина. Глаза ее широко распахнулись от удивления. — Меня променяли на рецепт сраной кислоты? Да я... я пятьсот лет служила этой семье. Свет солнца видела раз в пятилетку... А они меня продали за рецепт сраной кислоты?! — Ее тонкий рев начал переходить в ультразвук. — Вот она благодарность! Давай, алхимик, прижми свой драгоценный палец! Я лучше тебе послужу, чем этим неблагодарным тварям! Ну! Быстрее!

Мой палец с набухшей красной каплей замер над раскрытым диском. Кровь почти касалась отпечатка Коршунова.

— Морвина, ты осознаешь, о чем просишь? Я ведь могу подарить тебе свободу.

Хоть в мои планы это не входило, но после ее истории решил дать ей выбор. В моих силах было разрушить связывающий узор Нитей и сделать Морвину свободной. Вот только...

— Чтобы что? — вопрошала атманит, скрестив на пышной голой груди руки. — Думаешь, на свободе я смогу просто лежать на пляже и пить коктейли? Ага, щас! Забыл, что я заточена в этом предмете? Свобода... Я просто стану атманитом, который никому не принадлежит. А без Хозяина даже сделать ничего не смогу! Буду лежать бесполезным куском металла и зарастать пылью и грязью. Нет, не желаю я себе такой участи. Давай уже, становись моим Хозяином. Может, удастся отомстить этим гадам Коршуновым...

Да, именно об этом я и подумал. Ее душа навеки злой волей запечатана в предмет. Одинокая, никому не нужная и никому не известная. Я слышал о таких артефактах. Редко какая душа соглашалась на подобную свободу. И все же такие встречались. Но какая уж тут свобода? Еще один вариант — разрушить атманит. Но для этого надо много сил, и дух в итоге просто исчезнет. По сути, это все равно, что смерть. Лучший исход — нормальный Хозяин.

— Как скажешь... — ответил и поставил жирный кровавый отпечаток на диске.

Алая кровь на миг вспыхнула внутренним светом и погасла, мигом потемнев до состояния запекшейся крови. Морвина замерла, словно окаменела, стала просто странным на вид предметом. Я взял в руки артефакт и покрутил. Кстати, никогда не осматривал его сзади. А там из тюрбана на голове опускались тонкие змейки, обвивая талию крохотной женщины, и переходили в подобие клинка. Короткого и больше похожего на тупой штырь.

Заметил, как металл стал оживать под моими пальцами, становиться теплым и будто наэлектризованным. Право Хозяина перешло ко мне. Теперь я чувствовал Морвину... даже не знаю. Как свою руку, пожалуй. Слабую, практически немощую, но все же руку.

— Брр! — очнулась она. — Эй, хватит пялиться на мою задницу! Фух, я уж и забыла, как это неприятно, когда Право переходит новому Хозяину. Каждый раз, как первый, хе-хе, если понимаешь, о чем я.

— Нет, не понимаю, — перевернул артефакт лицом вверх.

Морвина вздохнула.

— Ладно, теперь можешь мне приказывать, и все такое.

— А что ты умеешь?

— Могу отпирать двери и становиться острой.

— И все?

— Нет, не все! Просто... я не помню. Меня двести лет почти не использовали, я все забыла.

— Зато словарь помнишь, — разочарованно вздохнул и завернул артефакт в ткань.

Дал бог помощника, как говорится.

«А еще я могу вот так! — прозвучал в голове голос Морвины. — Со старыми хозяевами не работало, а с тобой работает! Наверно, потому, что ты из этих... из алхимиков».

«Только попробуй слова начать вспоминать. Отдам Право какому-нибудь скучному библиотекару», — грозно нахмурил брови, глядя на строптивую мордочку артефакта, торчащую из складок платка.

«Молчу-молчу, Хозяин... Только, пожалуйста, не запирай меня больше в ящике. Хочу мир посмотреть...» — Морвина умоляюще посмотрела на меня.

«Я подумаю».

Сама по себе идея неплохая — всегда под рукой иметь могущественный артефакт. А атманиты, даже самые слабые, куда сильнее обычных артефактов. Но и магии потребляют немаленько. Морвине я могу давать магию напрямую. Вот только у меня самого этой магии кот наплакал. И, чтобы получить еще, нужно поглощать Порчу. А это занятие не из приятных.

Куда эффективнее давать ей кровь аристократов, насыщенную магией.

Взглядом алхимика я видел, что вокруг Морвины сплетен очень сложный узор Нитей. Даже представить боюсь, сколько дней или даже лет он плелся. И лишь малая часть его использовалась сейчас. Чтобы оживить остальные участки и раскрыть потенциал артефакта, понадобится много магии. Или много крови. Но я не собираюсь бегать и вскрывать каждого встречного аристократа, чтобы утолить жажду атманита. Или сжигать себе все внутренности, фильтруя Порчу.

Таскать Морвину с собой... Ну, такая себе идея на самом деле. С одной стороны, удобно иметь под рукой артефакт, который по велению твоей воли становится оружием или ключом к любой двери, но... Даже в моем мире духовные артефакты были редкой штукой, а здесь и подавно. Слишком лакомый кусочек, чтобы таскать его на виду. Знающие люди могут позариться. Убить меня не убьют, но подвергнут пыткам, чтобы передал Право.

А пытки я не очень люблю. Нет, я умею терпеть боль. Просто у большинства фантазия не особо развита, и пытки обычно ограничиваются порезами, раскаленными щипцами или иглами, которые под ногти загоняют. Скукота.

Поэтому Морвину сунул не в ящик, а в шкаф. Но раз сказал подумаю, значит, подумаю. Все-таки потенциал огромный.

Пока займусь другим делом, которое давно откладывал из-за занятости. Пришло время выпотрошить припрятанного гриборога.

Набрал на телефоне номер Григория. На часах как раз было около пяти вечера, рабочий день почти закончился. Пантелеев сперва пытался отказаться, ссылаясь на планы на пятничный вечер, но, когда я пообещал увеличить оплату да еще и наличными, его алчная натура одержала верх. На миг мне даже показались странными его сомнения и нелепые причины. То кореш должен прийти, то женщина. Не исключено, конечно, что это один человек...

Ладно, с проблемами буду разбираться по мере их поступления.

И первая проблема не заставила себя ждать. Решил приготовить ужин, пока жду Григория, открыл холодильник, а там... как в голове после тренировки — только какой-то фарш.

К счастью, относительно свежий. И еще початая пачка сыра. На полках нашел пачку макарон и поставил их вариться. Написал Роману сообщение со списком продуктов, которые неплохо бы купить.

«Сам купи, — было мне ответом. — У тебя выходной».

С ним иногда довольно сложно...

Поджарил фарш, доварил макароны, все это перемешал, посыпал сверху тертым сыром и сунул на несколько минут в духовку. Сфотографировал, как готовится мужицкая запеканка, и отправил фото соседу.

«Чуть слюнями не захлебнулся. Ладно, зайду», — написал Роман.

Так-то лучше.

Сыр расплавился, и я выключил духовку, оставив противень с запеканкой внутри. Только себе на тарелку положил немного, чтобы перекусить. Доел как раз под звонок Григория, который подъехал и ждал меня внизу.

— Здорово, фраер! — горячо поприветствовал он меня, когда я спустился. — Ну ты натворил вчера делов! Весь филиал гудит!

— Ты о чем это? — не сразу понял я, садясь в машину.

— Да вот же... — Григорий тоже забрался на место водителя и включил экран телефона. На нем в видео я давал в морду Коршунову. — Конфетка, а не удар! Раз и... н-на! По всем рабочим чатам видео гуляет.

— М-да...

Радости водителя я не разделял. Кто-то вчера снял нашу с Коршуновым дуэль, будь он неладен. И теперь все видели... да, в общем, все видели. Черт его знает, кто и что разглядит на этом видео, но добра ждать вряд ли стоит. Это с одной стороны. С другой — репутация. И моя, и Коршунова. Моя взлетает, а его с треском падает.

Все видео я не досмотрел, но наверняка на нем есть и тот момент, как забираю Право на артефакт. А значит, граф Коршунов узнает о проделках сына. Если не знает уже. И рано или поздно придет ко мне. Мало того что сыну по морде съездил, тем самым его опозорив на весь интернет, так еще и артефакт увел. Не знаю, что для него будет обиднее.

Ладно, пусть приходит. Угощу его чаем с ромашкой или парой боевых зелий, если чай не понравится.

— Поехали уже, — скомандовал Григорию, улыбаясь этой мысли. Люблю вызовы.

Город стоял в вечерних пробках, через которые мы продирались час с лишним. Вечернее небо алело, рассеченное на части столбами и проводами. Машины гудели и разгоняли подступающие сумерки светом фар. Сквозь приоткрытое окно в салон к нам с Григорием заползал осенний холод.

— Да... — вдруг снова заговорил Пантелеев, — с мышкой Коршунов, конечно, маху дал. Я бы ему сам бестолковку отремонтировал разок. Это ж надо так животное мучить... А ты ее того? Усыпил, да?

Я посмотрел на Григория. Он крутил руль, постепенно выводя нас из зоны пробок. Мало-помалу движение улучшилось, мы начали выбираться на окраину и затем за город.

— Нет, Григорий.

— Эх... Убил, да? Не, не отвечай. Так и знал, да хотел в лучшее верить. Уж очень жалобно она кричала. А если бы можно было ее спасти? Спас бы?

На секунду я задумался. Спасти ту лабораторную крысу? После того, что сделал с ней яд Коршунова, вряд ли это было возможно. Не в тот короткий срок, который ей был отпущен после такого испытания. Даже если бы у меня было противоядие.

— Не всех можно спасти, Григорий, — отвечал я водителю.

Улыбка нехотя сползла с его губ, и он понурился. Машина выбралась на загородное шоссе, водитель прибавил газу. Мотор загудел, набирая скорость.

— Это да, — глухо сказал он, — это я знаю. Не всем так везет, как дочке Листницкого, да?

Вдруг в наступивших сумерках его взгляд блеснул лукаво и немного зло. Почему? Пока не знаю. Проверяет меня Григорий, догадывается о чем-то. Ведь это он меня возил в больницу с самим бароном Листницким. Но, кроме догадок, у Григория ничего нет и быть не может. Пусть так остается и дальше.

Поэтому я просто пожал плечами.

— Ладно уж, храни свои секреты, фраер... — тихо пробормотал он и облизнул губы. — Хоть скажи, зачем опять в этот бор едем?

— Секрет, — отрезал я.

— Понял, молчу.

Через два часа и пару отбитых на кочках почек Григорий остановил машину у знакомой скалы. Выглядела она точно также, только в свете фар блестела теперь не мокрая трава, а выпавший на склонах и земле иней. Конец октября. До ноября всего пара дней — ночи становятся морозными.

Я повыше застегнул куртку, взял свой несессер и большой фонарь из багажника. Направился к знакомой уже пещере, на ходу прикидывая, куда еще можно съездить с Григорием. Самых интересных мест выделил с дюжину. Все в окрестностях Нижнего Новгорода. Я не чаял найти хоть одну живую Нить, но магических ингредиентов наверняка смог бы раздобыть.

— Слушай, может, нычку-то твою разграбили уже? — остановил меня у самого входа вопрос Григория.

— Какую нычку? — обернулся я и осветил на него фонарем.

Водитель, стоявший у открытой двери, прищурился от яркого света, попытался закрыться рукой. Я же, наоборот, сфокусировал луч, сделав его еще ярче.

— Да не, это я так, предположил просто... Зачем нам сюда возвращаться, если ты нычку не сделал? А народ здесь шастает разный, могли и срисовать ее. Станется, что зря скатались. Деньги я, если что, не верну, так и знай. Как говорится, малява по дороге уже ушла.

Ох, как не понравилось мне направление разговора водителя... Нычку у меня срисовали, ага. Зачем ее вообще рисовать? Если, конечно, тут не бродят спелеологи с мольбертами, в чем я очень сильно сомневался. Еще и малява какая-то по дороге ушла. Куда? Зачем? Кто она или что? Хоть словарь жаргонизмов уже покупай с этим Пантелеевым.

Или это он так исподволь, окольными путями пытается выяснить, чем я занимался в пещере в прошлый раз? И как я связан с исцелением дочки Листницкого?

Темнит, ох темнит что-то Григорий. Как бы сам в своих потемках не заблудился. А я собирался спуститься в пещеру и пролить свет истины на останки гриборога. То есть свет фонарика.

— Нет там никакой нычки, — и я развернулся к пещере, бросив напоследок: — и не было никогда.

Температура воздуха внутри и снаружи почти сравнялась, так что перехода даже не ощутил. Как было холодно, так и осталось. Спустился вглубь и на первой развилке нашел вбитый в стену флажок-метку. Ими обозначил в прошлый раз нужные повороты и направления. Пещера уходила глубоко вниз и сильно ветвилась. Несколько таких флажков приведут меня к трупам гриборога, а затем и к гроту со светящимися грибами. Если никто их не перевесил, конечно. Но вроде шел знакомой тропой.

Больше всего меня интересовала печень твари. В моем мире таких не существовало, так что меня влекло любопытство исследователя. Симбиоз животного с грибным мицелием должен вызвать токсическое поражение этого органа и, впоследствии, смерть. Но гриборог был живее многих, что наталкивало на мысль, что печень каким-то образом боролась с токсинами и весьма успешно. Да и другие органы хотелось изучить, чтобы лучше понимать, как появился

и жил этот мутант. Наверняка в этом мире есть и другие твари. Вдруг это каким-то образом связано с Порчей? Чем больше буду знать, тем лучше.

Флажки, вспыхивая в свете фонаря, вели меня, словно путеводная нить. Довольно скоро я дошел до поворота, за которым убил мутанта. Сделал последний шаг, скользнул лучом по стенам и нашел то место, где должен лежать труп.

Вот только вместо туши там покоились жалкие останки шкуры и росли грибы, расползаясь по стенам пещеры.

Значит, нычку мою срисовали, да, Григорий?!

Трое стояли на углу соседнего дома от того, в котором они с Максом снимали уже две квартиры. Одного из них Роман узнал сразу — забулдыга с нижнего этажа. Его голову сбоку украшала шишка, оставленная термосом с отваром Исаева. Двое других Роману были незнакомы. Одеты вроде как подходяще для этого района, но профессиональный глаз полицейского сразу распознал дорогие кроссовки у этих двоих, хорошие спортивные штаны, настоящие кожаные куртки, а не кожзам. Чистые, гладко выбритые лица, на глазах солнцезащитные очки, несмотря на поздний вечер.

Но не это заставило его пристально всмотреться в пришельцев. Сосед-забулдыга что-то говорил и активно жестикулировал, то и дело показывая в сторону Романа пальцем, пока он выгружал из такси пакеты с продуктами, рулоны обоев, ведра краски, морилки и лака и инструмент для завтрашнего ремонта новой квартиры.

В конце концов, Роман не выдержал. Раз эти двое что-то спрашивают о нем, то почему бы не спросить его самого?

— Эй! — крикнул он, обходя небольшую живую изгородь, отделявшую тротуар от дома. — А меня спросить не хотите?

Не любил он непоняток и полумер.

Один из тех двоих ткнул локтем товарища в бок и кивком указал на Романа. Тут же оба развернулись и спешно пошли прочь. Сосед-алкаш тоже предпочел свалить и быстро. Все это еще больше не понравилось Роману. Полицейское чутье вопило об опасности. Он ускорился.

— Эй вы, двое! — крикнул Роман, и незнакомцы резко сорвались с места.

Он, бросив на тротуаре все вещи и таксиста, бросился в погоню. Завернули за угол дома, во двор. Еще раз за угол. Роман бежал быстро, постепенно нагоняя тех двоих. Сильные ноги и хорошая физическая подготовка полицейского не оставляли незнакомцам шансов на успех.

— Стоять, полиция! — крикнул Роман.

Двое даже не обернулись: бежали сосредоточенно и молча. Их белые кроссовки мелькали в темноте. Все пять подъездов они пересекли за полтора десятка секунд. У последнего один из них рванул рукой выставленный мусорный бак. Тот упал, высыпав пакеты с отходами прямо в ноги Романа. Он споткнулся и перелетел мусорную кучу, рухнул на асфальт, разодрав куртку и плечо, перекатился кувырком и продолжил погоню. Но парочка уже оторвалась, свернув за угол. Оттуда через миг донесся рев мотора, и Роман, вбежав в проезд между домами, увидел только уезжающую бежевую машину.

— Сука... — ругнулся он, восстанавливая дыхание после падения. — Кто ж вы такие, а?

Морщась от боли в плече, вернулся, расплатился с таксистом. Не забыл добавить на чай за то, что водитель присмотрел за вещами. Район здесь такой... Могут прикарманить, если рядом никого не будет.

Копылов стал перетаскивать вещи в свой подъезд, уже зная, кому из соседей он нанесет ночью неожиданный визит с парой вопросов.

Глава 8

Пожалуй, стоит действительно завести тетрадку для словаря жаргонизмов. Ладно, с нычкой сразу было понятно, что это что-то типа склада, схрона или тайника. А вот срисовали... Теперь-то знаю, что это значит «стащили»!

Конечно, может, Григорий просто угадал, когда говорил, что мой тайник могли украсть случайные спелеологи. Прохожие. Вероятность этого мала, но не равна нулю. Но я в такие совпадения не верю. Уж больно Пантелеев старательно себе соломку стелил, намекая мне на такой исход. Всё вопросы непонятные задавал.

Так что вывод напрашивался сам собой: Григорий нычку и изобразил. Срисовал, то есть.

Можно не сомневаться, что, пока я здесь бродил, он сел в машину и укатил, оставив меня здесь. Дикие звери меня сожрут или сам где-нибудь оступлюсь и погибну. Вероятно, на такой исход он рассчитывает.

Честно говоря, не думаю, что его расчет оправдается. Выйду по следам машины. Идти, конечно, долго буду, но к понедельнику вернусь на работу. И вот тогда ему не поздоровится... Времени будет достаточно, чтобы придумать ему подходящую кару.

С другой стороны, Григорий деньги любит. И если он не тупой, то догадается, что где один гриборог, там и два. И в итоге никуда не поедет.

В любом случае пока можно расслабиться. Ладно, гриборога стащили, но дошли ли до грота с грибами? Сейчас узнаю.

Переступив растущие грибы и останки туши мутанта, продолжил углубляться в лабиринт пещеры и через десять минут добрался до расселины в стене, в которую протискивался не так давно. Правда, в этот раз она стала несколько шире. Гриборог постарался, оставив грудку обломков известняка у входа. К счастью, изнутри так же шел мягкий зеленый свет. Сюда воры не добрались.

У меня была вся ночь впереди, поэтому занялся детальным изучением содержимого подземной норы. Хорошего дождя в этих местах давно не было, и вода с пола ушла в щели в скалах или была поглощена местной флорой. Оказывается, здесь выросла целая экосистема.

На всякий случай надел старый респиратор Исаева. От спор гриборога он не спасет, но от большинства других угроз — вполне. Да и мутанта здесь уже не было. Только холмик из грибов в дальнем конце грота, где он выжидал очередную жертву.

В пещере стоял едва слышный гул — это гудел ветер в шахте сверху. Там она оканчивалась провалом в земле. В него падали звери, возможно, иногда люди, которыми кормился мутант.

Занялся сбором образцов. По полу стелился серый пух, на нем блестели капельки росы. Под светящимися шляпками грибов росли грибы поменьше с маленькими коричневыми шляпками-колокольчиками. Они дрожали от каждого звука, порождая тихий звон. Со стен свисали прозрачные лианы с вытянутыми плодами, напоминающими слезы. В темных углах скрывались небольшие кусты с черными листьями, словно покрытыми воском.

Короче говоря, для алхимика тут просто рай. Я бы здесь годы мог провести, просто изучая все это. Но года у меня не было, лишь несколько часов. Поэтому собрал в несессер все, что смог, чтобы изучить потом в своей домашней лаборатории. Главное, Роману все это добро не показывать, а то с ума человек сойдет.

Закончив, повернул назад и меньше чем через час оказался у выхода из пещеры. И меня там ждали.

— Я думал, ты уже уехал, — сказал Григорию, стоящему возле капота машины. На нем лежали какие-то свертки. — Только не говори, что это кто-то другой растащил мутанта на составляющие.

— Не буду. И была мысль уехать, братан, — отвечал он. — Я даже стартанул уже, но в конце концов повернул назад.

— И что заставило?

— Да... Совесть мазу взяла. Не знаю, что ты за ботаник такой, но сдаётся мне, что ты и исцеление дочки барона связаны как-то. В общем... я решил, что ты пацан ровный и надо тебя в долю взять.

Григорий похлопал по капоту рядом со свертками. Я поправил на плече отяжелевшую сумку и подошел. Было холодно, ветер с треском гнул сосны.

— Запомни две вещи, Григорий, — покачал я головой. — С Листницким и его дочерью я никак не связан. Он с чего-то решил, что раз я работаю в «Воронов Фармацевтика», то знаю секретные экспериментальные лекарства, которые могут ему помочь. Но я их не знаю. Как и не знаю, каким образом в себя пришла его дочь. Видимо, чудеса случаются. Это первое.

— Как скажешь, как скажешь, — поднял руки вверх, будто сдаётся, водитель.

— И второе... — голос мой стал таким же пронизывающе-холодным, как ветер сегодня. — Не люблю, когда меня пытаются кинуть, Григорий. За такое как минимум компенсация полагается. Не считая извинений. Иначе мы в последний раз с тобой видимся.

Я кивнул в сторону свертков, в которых была моя доля, встретился взглядом с водителем. Его лоб покрылся морщинами. Непонятно, то ли он сердился, то ли напряженно думал. Поднял руки на уровень груди и размял пальцы.

— Ладно... — выдохнул он, покачав головой. — Умеешь ты грузить, фраер. Но по справедливости. — С этими словами вытащил из нагрудного кармана кожаной куртки еще один увесистый сверток. — Эти сто пятьдесят тысяч в качестве извинений. Плюс ещё пятьсот на капоте. Всего шесть с половиной сотен. В общем, приношу свои извинения... за все, короче. — Он помолчал, перекатываясь с пятки на носок, и спросил: — Сработаемся теперь? С тебя шняга всякая, с меня сбыт.

Он протянул руку, и я, подумав, пожал ее. Это удобно. Лишние ингредиенты я смогу сбывать через Григория и получать за это деньги. Теряя на посредничестве водителя, буду брать объемами.

Но во всем этом была и еще одна интересная новость. В этом мире существует черный рынок алхимического сырья. Если им торгуют, значит, кто-то его покупает. Кто, если не алхимики? С одной стороны, это хорошо, с другой — надо быть осторожным в высказываниях и действиях. Вряд ли местные алхимики будут рады конкуренту, зелья которого куда сильнее их.

Но об этом я подумаю потом.

— Признавайся, Григорий, — сказал, собирая свертки с деньгами; карманы распухли от них, — там, куда продал, можно ведь и купить что-то, верно?

— Хех, ну поехали, покажу одно местечко, — улыбнулся водитель, сверкнув золотым зубом. — Но предупрежу сразу: без меня туда не суйся. Чужих там не любят. И деньги в машине припрятать... Бери только ту сумму, которую планируешь потратить.

— А ты держи рот на замке, что мы вместе работаем, — посоветовал в ответ, садясь в машину.

— Базар-вокзал, фраер!

Григорий остановил машину возле приземистого серого здания в один этаж. Оно стояло за небольшим подлеском из берез, высаженных между дорогой и домами. В подлеске пряталась парковка на дюжину автомобилей, на которой Пантелеев заглушил свой внедорожник. Справа, так же пряча фасад, но уже за голубыми елями, стояло офисное здание энергетической компании. Слева — не слишком новый жилой дом. Помимо нашей машины, на парковке располагались еще несколько автомобилей. Весьма простые на вид, не шедшие ни в какое сравнение с рабочим внедорожником компании или седаном барона Листницкого.

Ширма и не более. На меня она не сработала. Но то я, человек с опытом в триста лет. И не такое повидал.

— Нам сюда? — для проформы спросил Григория, кивнув на вывеску «Автозапчасти». Свет в окнах не горел.

— Ага. На вывеску не смотри, она для отвода глаз.

— Да это и так понятно...

Поднялись на крыльцо по обшарпанным ступенькам, и Григорий условным стуком постучал в металлическую дверь.

— Чего надо? — спросил обладатель злых глаз в открывшейся прорези.

— Это Пантелей, — ответил мой провожатый. — За покупками мы.

— Тебя знаю, а этого — нет. Валите отсюда.

— Да он ровный фраер! — успел крикнуть Григорий, но прорезь с лязгом закрылась. — При лавэ... Черт.

Глупо было ожидать, что нас просто возьмут и пустят отовариться на черном рынке алхимических товаров. Не знаю, на что рассчитывал Григорий, когда повез меня сюда. Хотелось бы посмотреть, что есть в этой таинственной лавке. Поэтому попасть внутрь я все же должен.

— Эй! — уже сам настойчиво постучал в дверь кулаком.

Задвижка снова отошла в сторону, колющий взгляд вперился в меня.

— Я же сказал...

Но я перебил, грубо приложив поперек смотровой щели пачку купюр:

— Что мне надо сделать, чтобы потратить деньги в этой дыре?

— Ой зря...

Щель закрылась, на той стороне начали лязгать многочисленные засовы и замки. Когда дверь распахнулась, из помещения хлынул поток тусклого света, а вместе с ним показались сразу три шкафоподобных молодчика.

Один — тот, что повыше, в белой футболке с черным черепом, — вышел на крыльцо.

— И что помешает нам просто забрать твои деньги, заморыш? — спросил он тем же голосом, который мы слышали из-за двери.

На крыльце зажегся свет, и под футболкой парня проступила рукоять пистолета.

Двое других выглядели под стать первому. Высокие, мускулистые и бритые налысо. У левого белел уродливый шрам на щеке, он поигрывал дубинкой в руках и был одет в джинсы и черную футболку. Второй, что справа и явно моложе, жевал жвачку и разминал пальцы, вдетые в кастеты. Оба стояли за спиной говорившего.

Не люблю, когда мне угрожают. А парень явно угрожал, специально встав так, чтобы я видел оружие. Как будто меня можно этим напугать.

— Здравый смысл, — ответил на его вопрос и пояснил, видя непонимание в глазах. Говорил медленно, чтобы он точно понял. — Знакомые слова? Я пришел сюда, чтобы потратить деньги. ДЕ-НЬ-ГИ.

— Лавэ, говорит, — подсказал Григорий.

— Я знаю, что такое «деньги»! — огрызнулся привратник.

— Уже успех! — хлопнул я в ладоши, отчего парень вздрогнул и нехорошо прищурился. Пусть нервничает — это не моя проблема, пока он оружие не достал. — Так вот. Деньги я потрачу и приду снова. Для вашего местечка это означает доход. Боишься, что купюры меченые? Так проверь. Или в вашей лавчонке даже этого не умеют?

Я выжидающе смотрел на него. Парень явно злился, но не я первый начал строить из себя самого важного вахтера. Кому-то необходимо было напомнить, что он просто... Как бы сказал Григорий? Кажется, шестерка. Шестерка, которая на воротах стоит.

Скрипя зубами, парень будто из воздуха вытащил серую перчатку. Она напоминала кольчужную, только с очень мелкими звеньями. Буквально в пару миллиметров.

— Протяни деньги, — сказал он.

Я протянул пачку, позволяя ему утолить свою подозрительность. Он провел рукой в перчатке по верхней купюре, большим пальцем отогнул уголок и прошелестел остальными оранжевыми бумажками. Перчатка слегка переливалась волнами серебристого света и больше ничего.

— Чисто. Шрам, проверь его на прослушку.

Громила со шрамом на лице подошел ко мне. В руке у него уже был серый камень, который едва слышно вибрировал.

— Чаевые вам тут, наверно, редко оставляют? — спросил я.

В ответ мне неразборчиво промычали.

Парень с камнем поводит им вокруг меня и подтвердил, что я чист. Этот артефакт, видимо, должен реагировать на электронику или следящие артефакты. Несессер я благополучно оставил в машине. Неизвестно, сработал бы артефакт на собранные сегодня образцы или нет.

Вообще, я решил, что буду отыгрывать роль парня, которому просто деньги жгут ляжку.

У этих ребят только на входе целых два артефакта. Так что парни явно серьезные, и чем меньше они будут обо мне знать, тем лучше.

— Ладно, проходите, — вынес вердикт парень в белой футболке. Перчатка и камень исчезли так же, как и появились. Словно их и не было. — Пантелей, знаешь, куда идти. И не шастайте лишнего, а то Барон с тебя шкуру спустит.

— Что за Барон? — спросил я шепотом, когда мы оказались внутри.

Небольшой холл, зеленые облупившиеся стены, справа каморка охранников или, как я по привычке их называл, привратников. Двери — врата, ну и понятно дальше. Слева маленький киоск с... автозапчастями. Для такого большого здания выбор откровенно маловат.

— Хозяин, — ответил Григорий, уводя меня в коридор и дальше. — Держит по городу несколько таких точек, скупает всякое и продает. Это то, что я знаю. Поверь, с ним лучше не связываться.

Не стал говорить провожатому, что лучше всего не связываться со мной. И как крупно ему повезло, что у него вдруг совесть проснулась. Нет, я бы, конечно, убивать его не стал, но просто кинуть меня без последствий не дал. Бегал бы всю жизнь по врачам, пытаюсь понять, почему моча все время красная и жжется, будто перец.

Я так над Диметрием один раз подшутил, так он потом долго пытался отомстить, подсунив мне что-нибудь в еду или питье.

Григорий привел нас в глухое помещение. Оно сильно напомнило мне лавки алхимиков из родного мира. Полки, стеллажи и холодильники с различными ингредиентами и оборудованием. Инструменты блестящие, новенькие.

По большей части товар был мне незнаком. Я еще плохо разбирался в местных ингредиентах — больше ориентировался на дневники и память Исаева. Прикупил кое-что для атакующих и защитных зелий, а затем остановил свой взгляд на новеньком перегонном кубе.

Хотя новеньким он был лишь с виду. Старый, но хорошо отреставрированный. Главное, что рабочий.

Мне он нужен. Куб Исаева больше на дуршлаг сгодится, чем на инструмент алхимика. Но я же дурачок при деньгах. Мне нужно поддерживать этот образ. До поры до времени. Чтобы не вызвать подозрений у того же Барона.

Лавирую, как корабль среди рифов.

Знаками на всякий случай показал Григорию молчать.

— А это что? — самым невинным голосом поинтересовался у продавца.

Им был сухой старик в маленьких круглых очках, рубашке и шерстяной жилетке. Бледный, словно никогда не покидал этого магазина.

— Перегонный куб, юноша, — ответил старик, внимательно глядя на меня.

Проколюсь где-нибудь, и он тут же доложит своему хозяину.

— И что им делают?

— Молодой человек, если вы не знаете, то он вам и не нужен...

— Я сам решу, что мне нужно, а что нет, — спесиво оборвал речь старика. — Я покупаю. И эти красивые штучки тоже, — ткнул на разноцветные палочки для размешивания под стеклом прилавка. — И вот эти, — скользнул пальцем к мерным ложкам. — И вот эту блестящую кружку тоже.

Так. Все. Стоп. В раж вошел. Пора притормозить, пожалуй.

— Это тигель... — сокрушался старик, подавая товар.

Похоже, ему разбивало сердце продавать хорошие вещи надменному мажору, вроде меня.

Сумма вышла кругленькая, но я был при деньгах. Еще и скинул на треть, торгуясь. Карманы мои сильно похудели. Зато работы впереди — непочатый край. И это радовало куда больше, чем могли опечалить финансовые траты.

Григорий подбросил меня до дома. По дороге он то и дело цокал языком и восхищался тем, как я веду дела.

— Старика Харона еще никто так не обдирал! — смеялся он. — Но ты, конечно, парень рискованный. Я в какой-то момент подумал, что нас на входе еще порешают. А нет! Пронесло.

На часах телефона бледные цифры показали полночь, когда машина затормозила у моего подъезда. Вечер, хоть и начался весьма сомнительно, прошел очень плодотворно. Душа радовалась, что я по маленькому шажочку, но все же приближался к своей цели и к своему любимому делу. Алхимии.

— Ну, когда на следующую вылазку поедем, братан? — через окно спросил Пантелеев, когда я вышел из машины.

— Я сообщу. Доброй ночи, Григорий.

— Доброй, поделничек! — хохотнул он и с визгом шин сорвал машину с места.

Поправив на плече ремешок тяжелого несессера, взял в руки черные сумки и направился к входу в подъезд.

Когда поднимался на свой этаж, выше по лестнице раздался странный шум, а затем ко мне под ноги скатился один из соседей-алкоголиков, вопя:

— Да не знаю я!.. Не знаю, кто это был!

А следом за ним, медленно ступая тяжелыми ботинками, спустился Роман, который, увидев меня, воскликнул:

— Он сам упал! Честно! Я только хотел задать пару вопросов, — продолжал оправдываться Роман, спускаясь по лестнице в белой майке и штанах. — А он попятился и вот...

Сосед, об которого я погнул термос, постанывая от боли, держался за ушибленные ребра. Встать он не встал, а подполз к стене подъезда и прислонился к ней спиной.

— В чем дело? — недоумевал я.

Спать хотелось дико, так что соображал посредственно.

— Да так, не обращай внимания, — отмахнулся Роман, подошел к пострадавшему и за грудки поднял его на ноги. — Не знаешь, говоришь?

— Да точно говорю, не знаю, — стонал он. — Подошли двое, стали вопросы задавать про Романа Копылова, а тут ты и вышел из такси.

— Ладно, живи пока, — отпустил парня Роман. — Целый хоть?

— Бывало и хуже. И я правда сам упал, — это он уже мне. — Я пойду, да?

— Иди, — пропустил его мимо себя мой друг.

М-да... Из одного цирка в другой попал!

— Так в чем дело-то, Ром? Кто о тебе спрашивал и зачем?

— Да... — опять отмахнулся он и пошел по лестнице домой. — Двое гастролеров каких-то. Явно не местная шпана. Да ты не парься, Макс, это по работе, скорее всего. Мало ли на полицию обиженных? Я не один раз всяких аристократов перепивших паковал. Ты-то где был? Полночь уже...

— Ходил за покупками.

— А... — протянул Роман, будто что-то понял, глядя на мои сумки.

Хотя, скорее всего, и правда понял. Что не хочет знать, о каких покупках речь.

Странно он себя ведет. Скрывает что-то. Из короткого разговора понял, что двое незнакомцев спрашивали у соседа про Романа, искали его. Видимо, друг погнался за ними, но упустил, иначе, чую, вопросы он задавал бы уже им. И они, скорее всего, падали бы не случайно.

Ладно, не хочет говорить — не надо, настаивать не буду. Придет время, сам все расскажет. Но на всякий случай я все же произнес, когда мы подошли к квартире:

— Дай знать, если что. Одного я тебя в беде не оставлю.

— Не парься. Не в первый и не в последний раз такое! — шутил он, открывая дверь.

Внутри стояла темень. Я шагнул и споткнулся о темную грудку, чуть не улетев вперед. Раздался страшный грохот. Нашупал выключатель, и свет залил маленькую прихожую. Под ногами у меня рассыпались пакеты с валиками, кисточками, укатились рулоны обоев и банки краски, а впереди наискось перекрыли проход деревянные черенки.

— Роман? — тихо позвал соседа.

— Блин, забыл предупредить... Я тут прикупил всякого для ремонта завтра... Ты это, не споткнись, да?

— Пошел ты на фиг, Роман, — от всей души послал его и засмеялся.

Разобрав и разложив все покупки, умылся и приготовился ложиться спать. Укрепляющее зелье Elixir Muscularium как раз дошло до кондиции. Я слил медовую жидкость в маленькую склянку и лег в постель. Резко выдохнул и влил вонючий экстракт в глотку. Проглотил, зажав нос.

Elixir Muscularium — простое зелье, которое сделает мой организм чуточку крепче и выносливее. Правда, есть один нюанс при его использовании.

Если говорить коротко, проблема не в том, чтобы заснуть после его применения.

А в том, чтобы суметь проснуться.

Глава 9

Невысокий лысый мужчина поворошил угли в камине и сел в кресло рядом. Одет он был тепло, но рядом с огнем расстегнул пуговицы вязаного кардигана. Взмахнул рукой, и потоки воздуха, сорвавшиеся с кончиков пальцев, подняли бокал с янтарным напитком. Играя пальцами, мужчина заставил бокал несколько раз качнуться, чтобы напиток внутри раскрыл свой аромат, и только потом сделал глоток.

В дверь большого кабинета постучали, затем вошли двое мужчин. Те, кого он посылал следить за Романом Копыловым.

— Ну? — нетерпеливо спросил хозяин дома.

— Мы нашли его, господин Бурановский, — учтиво поклонился вошедший первым. От второго его отличал маленький нос пуговкой и большие пухлые губы. — Но он заметил нас, и нам пришлось прекратить слежку.

Граф Бурановский поморщился и тяжело вздохнул:

— Плохо, Михаил. Мы не должны его спугнуть. Вы уже выяснили личность того, второго парня, которого он встретил из шестого отделения в ту ночь?

— Нет, господин. Все свидетельства его пребывания в отделении были уничтожены. А сотрудники не помнят события последних шести часов. Слово этого парня никогда не существовало. Ни свидетелей, ничего.

— Ясно. — Бурановский продолжал сердито крутить в воздухе бокал, пока не опустил его обратно на столик. — Значит, этот полицейский Копылов — наша единственная ниточка. Выясните о нем все, что сможете. Когда поступил на службу, в каком отделении, где родился, с кем дружил, во сколько сказал первое слово. Вам все понятно?

— Да, господин, — отвечал все тот же слуга графа. — Прикажете возобновить слежку?

— Ну конечно! Только аккуратнее. Мне нужен друг этого Копылова. — Бурановский уже хотел отпустить своих людей, но вспомнил о еще одном вопросе. — Позовите ко мне Семена. Хочу знать, как отреагировала Торговая гильдия на смерть моего партнера.

— Да, господин, — двое поклонились графу и вышли.

Бурановский снова взмахнул пальцами и поднял бокал. Сосуд замер в нескольких сантиметрах над его ладонью. Продолжая двигать пальцами, граф заставил бокал перевернуться и пролить содержимое, но воздушные потоки играючи подхватили капли и стали жонглировать ими, не давая упасть напитку на кожу человека.

Граф делал это машинально. Следя за игрой капель и покачиванием бокала, он вспоминал тот вечер в полицейском отделении, розовый туман, после которого все вдруг сошли с ума, а спустя полчаса никто и не вспомнил об этом. Только эхом еще стоял крик одного из стражей порядка, что он какая-то Бастинда.

У него было много вопросов. Откуда взялся этот туман? Это Реликт того человека? Тогда почему он ничего об этом не слышал? Дворянских семей в Российской Империи не так много. А если не Реликт, тогда что? В любом случае обладание такой силой делу семьи Бурановских не повредит. Его мозг уже накинул несколько вариантов, как можно использовать такую способность.

Поэтому граф и хотел как можно больше узнать о том незнакомце. Но единственное, что он смог увидеть и запомнить, — старый кожаный несессер.

Роман с трудом разлепил веки. Голова гудела, словно он сам гудел всю ночь. Последние пару недель она болела все время: днем, ночью, во время сна и бодрствования. Боль просто меняла свою интенсивность. Роман связывал это с недосыпом из-за подготовки к экзамену. В любую свободную минуту он старался учить и повторять материал по криминалистике. Чтобы

тот лучше усваивался, он даже купил специальные таблетки от «Воронов Фармацевтика» для памяти.

Помогают они или нет, станет ясно только на экзамене.

Сегодня голова болела особенно сильно. В районе затылка, внизу слева, Роман нащупал жгут спазмированных мышц под черепом, попытался его размять... Вроде даже полегчало — ненадолго.

Со вздохом он поднялся с постели, умылся и сварил кофе. Только опустошив большую кружку, почувствовал облегчение. Часы показывали четверть восьмого утра. Несколько дней назад они с Максом договорились, что Роман выходные посвятит подготовке к экзамену, а его друг — ремонту новой квартиры.

— Да, странные дела... — пробормотал Роман.

Исаев сильно изменился за последние две недели. Затвердел, словно глина на солнце. Вроде это был все тот же Макс, с которым они в родном захолустье по лужам прыгали, а вроде и нет. Эти его провалы в памяти... Впрочем, если учесть, что ему пришлось пережить совсем недавно...

Роман дошел до комнаты друга, осторожно заглянул внутрь. Макс еще спал. Роман чувствовал, что все еще должен друга всячески оберегать. Все-таки не каждый день теряешь сразу обоих родителей в автокатастрофе.

Поморщился, вспомнив, как друг сходил с ума от горя в первые дни: психовал, обвинял всех подряд, даже мать и отца, в том, что они виноваты. Копылов тряхнул головой, прогоняя неприятные воспоминания. Главное, что Макс все же пришел в себя. Кажется. Квартиру вон новую взял, дочку Листницкого зельями своими спас.

Он пошел на кухню, чтобы сварганить что-нибудь на завтрак. Но сперва принял холодный душ, потому что мигрень опять разбушевалась. Затем занялся второй порцией кофе и бутербродами с яйцом. Пытался повторить те тосты, которые готовила горячая подружка Макса. Вкусные они были. Снова принял таблетки для памяти — от них даже мигрень почти прошла.

В восемь пошел будить соседа, потому что сколько можно спать? Ремонт сам себя не сделает.

— Макс, пора вставать, — зашел Роман в его комнату. Тот мирно дрых на кровати. — Я подумал, и, пожалуй, помогу тебе с ремонтом, а вечером позанимаюсь. Так что давай поднимайся!

Копылов потряс друга за плечо, но Исаев никак не отреагировал. Даже дыхание не изменилось, осталось таким же размеренным и сонным.

— Макс! Вставай! — Роман сильнее дернул его плечо.

Никакой реакции. Только на спину откинулся и захрапел. Когда битье по щекам тоже не дало никакого результата, Роман забеспокоился.

— Не пили же вчера вроде... А спит, как мертвый.

Сказав это, он вдруг отметил необычайную бледность лица Исаева. Что-то с ним было не так. Роман заволновался, почувствовав, что надо срочно будить друга! Он стянул одеяло и взял на руки Макса, крякнув:

— Ты поднабрал, что ли? Когда успел?

Донес до ванны и окатил из душа ледяной водой.

— А-а-а... — резко втянул я воздух ртом и схватился за первое, что подвернулось под руку. Меня всего будто в огонь кинули, а мгновение спустя пришел холод.

Раскрыл глаза и увидел нависшего надо мной Романа с лейкой душа. Из нее мне на голову лилась ледяная вода, от которой сперло дыхание.

— Нет, ты точно поднабрал... — присвистнул друг, глядя на свою руку.

Оказывается, я рефлекторно вцепился в его предплечье. А такую его реакцию вызвали набухшие вены на моей руке и чуть лучше, чем раньше, очертившиеся жгуты мышц.

Elixir Muscularium подействовало. Ночью, пока я спал, все силы организма ушли на строительство новых мышечных волокон. Поэтому так тяжело после него проснуться. Не особо много волокон, на самом деле, потому что зелье простое и слабое. Где-то два-три процентаросло по всему организму.

А еще я ужасно хотел есть.

— Можно меня уже отпустить, — попросил Роман.

— Можно перестать меня поливать, — дрожащими губами ответил я.

Сосед выключил воду и подал мне полотенце, затем помог выбраться из ванны, потому что я был на грани голодного обморока и с трудом переставлял ноги.

— Что за фигня с тобой случилась, Макс? Весь бледный, трясет всего. Опять своими зельями баловался? Надышался чего?

— Хорошо потренировался вчера утром. Есть что пожрать?

— Хех, видимо, очень хорошо потренировался, раз аппетит такой, — хмыкнул Роман. — Пошли, поедим.

Яичные тосты Романа безнадежно подгорели. Но я все равно все съел. Шутка ли? Зелье почти все силы из меня высосало. Только утолив голод, смог говорить и думать о чем-то еще, кроме еды. Странно, что зелье так сильно на меня подействовало. Возможно, действительно сказалась нагрузка предыдущих дней, и у организма кончились последние резервы? Даже проснуться не смог.

Нет, не будь Романа, зелье бы меня не убило. Но отправить в коматозное состояние на несколько дней — легко. Хорошо, что у Исаева есть такой друг.

— Ладно, спасибо за еду, я пошел, — сказал я, вставая из-за стола.

— Куда? — глуповато спросил Роман, залпом допивая свой кофе.

Кстати, выглядел он что-то не ахти. Глаза впали, под ними залегли мешки, кожа бледная с восковым оттенком. Заболел, что ли?

— Как куда? Одеваться и за ремонт, — ответил ему. — Сегодня надо с полами разобратся, а завтра — поклеить новые обои.

— Отлично! Только меня подожди.

— В смысле? — жестом остановил друга. — Мы же договорились. Ты готовишься к экзамену, я работаю. А на твоём месте я бы еще и поспал. Все, разговор окончен.

Не глядя на Романа, прошествовал в свою комнату и переоделся. Подыскал в шкафу Исаева одежду попроще, взял старый респиратор, чтобы не надышаться лаком в замкнутом помещении. Респиратор был кожаным, со встроенными клапанами по бокам.

На выходе опять столкнулся с соседом. Упертый, блин.

— Роман, готовься спокойно к экзамену, — тихо, но твердо сказал одевавшемуся другу. — Сосредоточься на чем-то одном. А то ты и сам уже на живое пособие по криминалистике начинаешь походить.

— Да давай хоть вещи донести помогу! — уперся он, кивая на груды у входной двери. — Вон, гора целая стоит. Весь день таскать будешь. А я потом учиться. Честное полицейское!

— Ладно, — смиловился я. Вещей и правда много было. — Но только это! А дальше — как договаривались...

Больше получаса мы с Романом перетаскивали вещи. Самой тяжелой оказалась шлифмашинка. И как он вчера ее домой затащил? Не понимаю. Сегодня мы поднимали ее вдвоем, и Рома просто потом обливался. С другом творилось что-то не то, но на все мои вопросы он отмахивался.

Когда закончили, я остался в квартире один. И передо мной лежал огромный фронт работ. Но глаза всегда боятся, а руки делают. Немного изменил план и решил сперва отодрать

старые обои: пошел со скребком, вспарывая пожелтевшую бумагу и сдирая ее до основания. Так пролетело время до обеда. Закончив с обоями, которые отдирались легко и быстро, занялся полом.

Мелкая пыль забивала респиратор, от шума прибора звенело в ушах, но я улыбался. Меня вдруг пробрало чувство ностальгии, от которого губы сами в улыбку вытянулись. Вспомнил, как открывал свою первую алхимическую мастерскую. Также своими руками приводил в порядок старое, заброшенное помещение. Вся жизнь была впереди, и казалось, смогу горы свернуть, если захочу.

Горы я, конечно, не сворачивал. Но готовил зелья, которые давали достаточно для этого сил. Так что все равно считается.

Я и сейчас чувствовал, что все впереди и мне все по силам. Вот только доделаю свою лабораторию...

К вечеру старый паркет обрел новую жизнь. Светился свежим деревом, будто его только положили. Теперь нужно пропитать его морилкой, а затем лаком. Но сперва — ужин.

На улице пасмурное небо очистилось от туч и выглянуло малиновое солнце. Я открыл большое центральное окно и сел на подоконник, чтобы ужинать с видом на крыши маленьких домов впереди, залитых закатом. Вот только окно все время закрывалось обратно, норовя разбиться об мою голову. Тогда я вспомнил об одной штуке, которая хотела на мир посмотреть. Заодно спокойно поговорим без лишних глаз и ушей.

Конечно, с Морвиной я мог говорить и мысленно с тех пор, как стал ее Хозяином. Но мне больше нравилось по старинке. Ртом. Уж больно не хотелось слышать ее голос прямо у себя в голове.

Сбегал вниз и уже через несколько минут вставил клином в щель между окном и рамой острие атманита.

— Ты-ты-ты... — задыхалась от возмущения железная женщина с острыми зубами. — Да пошел ты на хрен, понял? Ты меня еще как закладку для книг используй!

— А неплохая идея, — хмыкнул я, втыкая в доставленную курьером лапшу странную сдвоенную палочку. — Но ты, вообще-то, хотела на солнце посмотреть.

— В данный момент, — продолжала пыхтеть, скрестив на груди руки, Морвина, — я смотрю на оконную раму.

— Знаю. Поверну, если ответишь мне на несколько вопросов.

— Дай угадаю: хочешь спросить, как пользоваться палочками для еды?

Я с недоумением взглянул на странную деревянную палочку у себя в руке. Она состояла из двух длинных зубцов, соединенных перемычкой на одном конце. Я втыкал ее в лапшу в коробке и крутил, наматывая еду на зубцы.

Да вроде и так нормально...

Намотал лапши и сунул сочный валик с кусочками мяса и овощей в рот.

— Нет, не об этом, — чавкая, ответил Морвине, все еще вынужденной смотреть на оконную раму. — Хочу спросить о магии. Ты помнишь события Мировой Магической Войны?

— А как же! Я в ней участвовала. А ты, что же, в пещере, что ли, родился? Раз ничего не знаешь об этой войне. Ее еще в школе проходят.

— Лучше услышать от очевидца. А ты — единственная из моего окружения, кто даже принимал участие. Меня не интересует вся война, я хочу знать, что случилось с магией такого, что она практически исчезла.

— Ну, я немного помню, — пожала плечами Морвина, потом попыталась вывернуть голову и выглянуть на улицу, но не смогла. — Тебе когда-нибудь вырывали душу?

Я вспомнил боль, через которую пришлось пройти, прежде чем оказаться здесь. Наверное, это и значит — вырвать душу. Лучше дам себе вырвать какой-нибудь орган, чем снова душу. Почку, например, — их все равно две. Да и отрастить смогу новую. Но не душу.

— Было разок... — вырвалось у меня одновременно с Морвиной.

— ...у меня, — закончила она и замерла на полуслове. Взглянула на меня, прищурив глаза. — Да кто ты такой, Максим Исаев?

— Продолжай свою историю, — отрезал я.

— Хм, ладно. В общем, что-то случилось с магией, но это и так все знают. Зелья алхимиков начали убивать людей. Алхимики пытались это исправить, бороться с этим, но погибали от той же напасти. Как и артефакторы. Но мало кто знает, что это коснулось не только тех, кто варил зелья или делал артефакты...

Я напряг слух, стараясь не пропустить ни слова.

— Умирали и некоторые аристократы, — продолжала Морвина. — Без видимых причин. Атманиты раньше могли общаться между собой. От них и узнала, что гибнут их Хозяева. А потом... стали и они пропадать. Никто не придавал этому значения, кроме артефакторов. Один из них был слугой моего тогдашнего Хозяина. Он рассказал мельком о какой-то магической чуме и заявил, что спасет меня... — Морвина закатила глаза, а потом зло сплюнула. — Вот тогда мне и вырвали душу второй раз. Он отобрал мою силу и тут же умер. Так что я не знаю, как ее вернуть. Могла бы — сама бы его еще раз шлепнула. Тьфу, гад!

— Вообще-то, он тебя и правда спас, — догадался я.

Тот безымянный артефактор ее прежних Хозяев смог закольцевать ее узор и спасти душу Морвины. Боюсь представить, сколько понадобилось для этого сил и сноровки. Узор атманита имел очень сложную и многоуровневую структуру, множество связей с внешними Нитями. И каждую такую связь нужно было аккуратно оборвать и закольцевать на саму себя или на соседние узелки. Причем сделать это так, чтобы не повредить душу артефакта. Все равно что делать операцию на сердце. Живом, естественно. И не на одном, а на нескольких сразу. Это нужно, чтобы отсоединить артефакт от Нитей, по которым может попасть Порча.

Человек, спасший Морвину, либо не выдержал напряжения и спекся, то есть обезумел, либо... его достала Порча.

Любопытно... Морвина вроде и мало света пролила на события двухсотлетней давности, но в то же время рассказала мне о многом.

Какова вероятность, что Порча была прицельно по алхимикам, артефакторам и некоторым аристократам? Если все происходило именно в таком ключе, то те аристократы, скорее всего, что-то знали. И их убрали. Как и их духовные артефакты, узнавшие слишком много.

— А ты не помнишь имен погибших аристократов? — спросил Морвину, лелея слабую надежду.

— Нет. — Она взмахнула ладонью возле лица. — Я словно часть памяти потеряла. Может, вспомню, если восстановлю свои силы... Не знаю.

Я подцепил деревянной вилой (вилкой язык не поворачивался назвать) последний кусочек мяса со дна картонной коробки и съел его.

Узнать бы имена этих аристократов — смог бы со временем выяснить, кто их убил и зачем. Если, конечно, их действительно убили. В любом случае смог бы пролить свет на историю, как Порча захватила этот мир.

— Эй, Хозяин, — позвала атманит, — я заслужила на солнце посмотреть?

— Заслужила, — кивнул и повернул ее в сторону улицы.

— Как хорошо... — тут же выдохнула она, подставляя маленькое лицо последним закатным лучам. — Красота какая, а-а-а... — Ее губы расплылись в улыбке, обнажив острые зубы. — Ха!

Морвина обмякла, постанывая от удовольствия. Руки ее плетями свесились вниз. Я тоже расслабился, отложив пустую коробку. Солнце пригревало в один из последних относительно теплых дней перед зимой, холодный ветер трепал грудь.

Это был хороший мир, хоть и почти без магии. За все это время я так и не увидел ни разу ни одну живую Нить. Даже сейчас, взглянув на город глазами алхимика, ничего не увидел. Только где-то на горизонте что-то блеснуло, но это мог быть случайный блик. Или просто показалось.

Если здесь, как я уже знаю, остались какие-то алхимики, значит, должны быть и артефакторы. Пообщаться бы с кем-нибудь из тех или других... Но маловероятно, что это удастся сделать без расклевывания собственной персоны. По крайней мере сейчас.

— Эй, Исаев, а те двое не за вами следят? — спросила вдруг Морвина.

— А? Где? — не понял я.

— Да вон там, внизу! — она показала рукой.

На дороге у тротуара стоял темный седан. Прямо напротив наших окон что в новой квартире, что в старой. Под лобовым стеклом виднелись две пары рук и ног. Я сразу заметил, что смутило Морвину. Со стороны водителя под дверцей была навалена кучка окурков. Значит, стоят уже не первый час.

Неужели это те двое, что выспрашивали у соседей о Романе? Скорее всего. Слишком уж мала вероятность, что в этом доме за кем-то еще следят.

— Тут не так высоко! — возбужденно зашептала Морвина. — Если докинешь, я пробью сначала крышу, а потом чью-то черепушку! Аха-ха-ха! Ну? Кидай же! Я ему мозги выгрызу, Хозяин!

Глава 10

Запах свежего дерева и старого лака смешивался с холодным воздухом с улицы. Я с усмешкой взглянул на Морвину. Атманит тянулась всем телом, пытаясь вырваться из разошедшейся оконной рамы. Словно хотела сама прыгнуть на головы тем двоим в машине.

— Нет, Морвина, — покачал головой, — никому пробивать череп и выгрызать мозги мы...

— А почему «мы»-то? Я сама справлюсь! — ярилась маленькая женщина, перебив меня.

— ...пока не будем. Пока! — я сделал ударение на последнем слове. — Из своей машины они вряд ли видят выше третьего этажа, так что мы для них скрыты. Понаблюдаем. Не вечно же они будут сидеть в своей железной коробке. Захотят есть, например. Судя по количеству окурков, это случится довольно скоро.

— Пф! — фыркнула атманит. — Скучный ты. Но Хозяин, как говорится, барин. Будь по-твоему.

Я снова улыбнулся, умиляясь такой ее самоуверенности. Как будто духовный артефакт мог сам решать свою судьбу. Но не буду ставить ее на место или как-то тыкать в это носом. Морвина забавна в своей непосредственности, пусть такой и остается. Постепенно она раскроется мне, и я узнаю больше тайн этого мира. Со своим атманитом лучше дружить.

К тому же, сдастся мне, она и сама это все понимает, просто бравирует в силу своего характера.

Слегка высунулся из окна, рассмотрел седан с преследователями. Красивый и дорогой, блестит свежим воском. Жалко будет, если испортится.

Хотел попросить Морвину посмотреть за ними и дать знать, если куда-то соберутся, чтобы я мог записать их номер (отсюда его не было видно), но не успел. Внимание привлекла короткая трель звонка.

Дальше по тротуару звякнул сигналом парнишка на велосипеде с большим ящиком за спиной. Звонком он расчистил себе дорогу от пары пешеходов. Ехал он постоянно крутя головой, то и дело сверяясь с телефоном на руле. Будто искал кого-то или что-то. В десяти метрах от черного седана в последний раз взглянул в телефон и подъехал со стороны водителя.

С такого расстояния разговора я не слышал. Только неясные обрывки звуков, то и дело заглушаемые шорохом шин проезжающих машин, гудками или громким лаем гуляющих собак.

— Черт... — вздохнул я, увидев, что было в ящике за спиной парнишки. Это оказался доставщик еды. — Похоже, они все-таки проголодались, но уезжать все равно никуда не собираются. Будь прокляты современные технологии!

— И не говори, Исаев, — поддакнула Морвина и с надеждой спросила: — Ну так?..

— Да, бросим в них..., но не тебя.

— Да твою ж...

Можно спуститься на улицу, выглянуть из-за угла дома и сфотографировать номер машины и тех, кто в ней. Можно, но зачем? Ведь тогда есть вероятность, что меня самого, как сказал бы Григорий, «срисуют». А привлекать к себе внимания прихвостней, судя по дорогой машине, явно не самого простого человека в этом городе мне не хотелось. Они следят за Романом, не за мной. Меня, скорее всего, и знать не знают. Ну так пусть не знают и дальше...

Я ушел вглубь комнаты и вернулся с маленькой банкой лака. Открыл ее, и в нос ударил резкий сладковатый запах.

Внизу парнишка-курьер ругался с водителем. Эти двое гениев решили его на деньги кинуть, что ли? И точно. Парень крикнул что-то оскорбительное, а в ответ из машины высунулась рука с пистолетом.

— Вот дятлы... — зло сплюнула Морвина.

И я с ней был полностью согласен. Бедолага работает в поте лица, а двое придурков просто ради забавы лишают его заработка. Деньги у них точно есть, это просто люди гнилые сами по себе.

Как только курьер отошел на несколько метров, я размахнулся и кинул банку с лаком в машину.

Плюх! Окатила крышу лак. Бам! Шарахнула следом банка. Лак быстро растекался по крыше, лобовому стеклу, забирался между дверей.

С матом и руганью двое выскочили из машины. Два брюнета, в солнцезащитных очках, которые в такое время суток только мешают. Если, конечно, это не какие-нибудь хитроумные артефакты. Если нет, эти двое — просто идиоты. И такое случается, да. Оба они были одеты хорошо. В спортивные костюмы, дорогие чистые кроссовки и кожаные куртки.

— Какого хрена?! — заорал водитель.

Лак капнул ему на кроссовок. Он попытался вытереть его травой, но, похоже, только размазал. Материться стал сильнее.

Курьер, увидев это, громко засмеялся, свистнул, привлекая внимание этих двоих.

— Карма, придурки! — крикнул он, показал два средних пальца и дал по педалям, когда водитель дернулся в его сторону.

— Сука, кто?! — орал пассажир машины, колупая испачканную лаком голову.

Они оба одновременно взглянули на испорченную крышу авто, на потеки стремительного твердеющего лака и резко подняли головы вверх.

— Эй, ты! — хором воскликнули парни.

Ага, заметили.

— Мужики, простите, кошка банку спихнула! — самым извиняющимся тоном крикнул им. — Все компенсую!

— Да это не кошка была, а целая пантера... «Так» банку пихнуть! — вставила свои пять медяков Морвина.

— Вам лучше поскорее лак смыть, а то он быстросохнущий!

— Сука!!! — Аж покраснел от злости водитель. У него были пухлые красные губы и маленький нос. — Жди здесь, урод! Мы еще вернемся! В двойном размере компенсируешь, или мы тебя...

Второй брюнет оборвал его речь короткой репликой. Они прыгнули обратно в машину и с визгом шин сорвались с места. Встречное авто, уклоняясь от них, недовольно прогудело и заехало колесом на тротуар.

А я взял подготовленный телефон и сделал с десяток снимков с номером седана. Скину Роману — пусть пробьет по полицейским хранилищам данных. Насколько я помню, в прошлую встречу с ними он номер не успел записать.

— А неплохо придумано... — уважительно протянула Морвина. — И слежку им сорвал, и подгадил, и номер узнал... Жаль только, никто из них не пострадал. И что теперь?

— Что теперь, что теперь... — закончил я отправку фоток Роману. — Теперь полом займемся. А гостей этих мы ждать не будем. Вряд ли они так быстро избавятся от лака.

— Ха!

Вытащил атманит из щели между рамой и окном и сунул себе за пояс. По ее просьбе развернул лицом наружу, чтобы, как она выразилась, не наслаждаться ароматами из моего пупка. Как будто она запахи могла чувствовать.

За следующие два часа покрыл свежееободранный паркет морилкой. Для удобства на черенок напаял валик и пошел. Тщательно, ровным слоем. Теперь оставлю на ночь, чтобы дерево пропиталось, а завтра уже покрою лаком. Если его хватит, конечно. А то минус одна банка теперь.

Под конец работы вдруг услышал тихое хныканье. Раздавалось оно из района талии.

— Ты чего это? — удивленно спросил Морвину.

— Забыла совсем, каково это — делать ремонт. Всей душой его ненавидела, а сейчас... душу бы отдала, чтобы обои поклеить, — чуть не ревела железная женщина со смертельно острыми зубами.

Ужас какой... Меня аж передернуло, едва представил, что меня обуяла бы жажда клеить обои. Но не стал ничего ей говорить. Попробуй столько лет пожить артефактом, и не так взвоешь.

— Спасибо или типа того... — всхлипнула она.

Собрав оставшийся мусор, вышел из квартиры. Пока шел до мусорных баков, с удивлением отметил, что Роман мне так ничего и не ответил, а в наших окнах, выходивших во двор, не горел свет.

Тревога вдруг шевельнулась под сердцем. Он должен быть дома и учиться, а без света это довольно проблематично. Неужели я переборщил, и шпионы успели вернуться и вломиться к Роману? Нет, вряд ли. Да и, учитывая подготовку друга, переживать стоило бы за этих двоих. Я сегодня уже порядком устал, и в мои планы не входило прятать трупы и отмывать кровь с пола.

Может, просто ушел куда-то? А я так, надумываю себе?

Сам того не желая, от мусорных баков домой шел быстрее. Непривычная тишина стояла во дворе. Даже ветер не гудел в прорехах между домами. Нехорошее предчувствие усилилось. Осторожно коснулся ручки входной двери и понял, что та не заперта.

Нет, Роман не мог уйти и не запереть дверь.

Тихо отворил ее и, крадучись, вошел. Тревога оглушительно была в набат где-то в затылке. Не нравилось мне все это. Очень не нравилось!

Внутри темно. Свет зажигать не стал, прислушался. Тихонько тикали единственные часы в зале, но больше не было слышно ни единого шороха. Только мое собственное дыхание.

Взял в руки атманит, приготовился в любой миг отдать ей остатки своей магии, чтобы приняла форму кинжала.

— О да... — считала она мои намерения. — Мы все-таки кого-то пырнем, да?! Зарежем, как кабанчика, ха-ха-ха!

Предвкушение Морвины я не разделял и мысленно приказал ей заткнуться. Прошел вглубь квартиры, напрягая слух изо всех сил. В коридоре было пусто, на кухне — тоже. Дверь в комнату Романа слегка приоткрыта, но сперва, сделав пару шагов, проверил зал и заглянул в свою комнату. Хватило уже одного раза, когда меня поджидал Листницкий с пистолетом наперевес.

Никого.

Держа Морвину наготове, осторожно толкнул дверь свободной рукой. Дверь проскользила треть пути и на что-то наткнулась. Заглянул внутрь и так сильно сжал рукоять артефакта, что Морвина зашипела. Посреди комнаты без чувств лежал мой друг. В белой майке и темных штанах, руки раскинуты в разные стороны.

Я на ощупь включил свет и бросился осматривать его тело. Быстро выяснил, что телом Романа называть преждевременно. На шее прощупывался четкий, но редкий пульс.

Роман лежал кверху лицом, глаза его были слегка приоткрыты, словно он следил за происходящим сквозь щелочки век. Но это было не так. Дыхание ровное, но тоже редкое. Никаких ран на теле, ничего. Только в правой руке зажата баночка, а рядом рассыпана горсть пилюль.

— Что ты принял, Роман? — спросил вслух, беря пластиковую тару.

Тревога слегка отпустила. Если он просто отравился, то смогу привести его в чувство. Но надо знать, с чем имею дело.

На баночке нашел символику «Воронов».

— Биологически активная добавка... — быстро читал я. — ...для улучшения когнитивных функций мозга... Это те самые таблетки для памяти, что ли?

— Ты у меня спрашиваешь? Да я знаю не больше твоего, — отозвалась Морвина. Совсем забыл о ней.

Черт-черт-черт. Рома, ты их сколько принял вообще?!

Надо же так бояться экзамена, что даже перебрал с дозой какого-то БАДа. Хотя, если учесть, кто производитель... Внезапно мелькнувшая мысль заставила обратить взор на состав. Ожидал увидеть там синтопиозин, но... Вроде нет. Так, а это что за мелкий шрифт?

Приблизил баночку к самым глазам и вчитался. Буквы расплывались, но я все же уловил общий смысл. А когда это произошло, захотелось швырнуть таблетки в стену. От нахлынувшей злости так сжал пластиковую емкость, что она смялась в моей руке.

Мелким шрифтом было написано, что таблетки производятся на оборудовании компании «Воронов Фармацевтика» и возможно выявление в составе следов синтопиозина и других лекарственных веществ компании.

Да я готов зелье Костелома выпить на спор, что он там точно есть!

Знаю, что к составу лекарств предъявляются жесткие требования в этой стране. Но эти пилюли лекарственным средством и не были. Это же просто добавка. К ним требования куда менее строгие. А он, похоже, ел их как не в себя. Боялся, что плохо запомнит материал и завалит экзамен.

Эх, Роман, Роман. Значит, ты отравился Порчей.

Ладно, я уже знаю, как в такой ситуации действовать. Надо ее просто вывести из его организма.

— М-мхм... — простонал вдруг Роман и поморщился.

Можно вызвать скорую, но пока они приедут, пока промоют желудок, пока организм сам выведет всю эту гадость...

Я справлюсь быстрее.

Повернул тело друга на бок на тот случай, если его начнет рвать, и поспешил в свою комнату. Мозг лихорадочно перебирал в голове рецепты зелий, которые могли помочь с отравлением и очистить организм от Порчи.

Именно от Порчи я знал всего одно зелье. То самое, с которым пошел против Диметрия в свой последний бой. Но готовить его нужно очень долго, узел Нитей сложный, вдобавок оно способно убить неподготовленного человека.

А терять друга вот так просто я не хотел. Он ни разу не оставил Исаева в беде, да и меня тоже помчался вызволять из отделения, как только узнал. Я отплачу ему тем же.

Ладно, зелье от Порчи не подходит, но есть куча рецептов от магических отравлений. С побочными эффектами и слабые, но это максимум, что я могу приготовить из имеющегося у меня в данный момент. Радовало, что, скорее всего, друг отравился не слишком сильно.

Руки действовали практически в отрыве от мозга. Хватали реагенты, пучки трав, зажигали спиртовку, расставляли оборудование и раскладывали инструменты. Они практически порхали над столом, который снова стал маленькой алхимической лабораторией. Я даже дышал через раз — так спешил с готовкой зелья.

С нюансами зельеварения в этот раз заморачиваться не стал. Завяжу узел так.

Как же вовремя я сходил в алхимическую лавку с Григорием! Два из трех ингредиентов для зелья *Spiritus pura potio* как раз там купил.

Готовится оно буквально за пять минут. Буквально!

В подогретую воду опустил мелко порезанные листья *Folia Achilleae*, и от них сразу потянулись изумрудные разводы. Это растение, которое нашел Листницкий, — природный антидот. Выведет токсины и снимет воспаление, если есть. Затем капнул несколько капель серебряной, будто искрящейся лучами утреннего солнца *Ros Solis Matutini*, и от зелья в колбе пошел сильный запах свежескошенной травы.

Приятно пахнуло летом.

Ros Solis — «чистый» компонент. Он свяжет Folia Achilleae с третьим ингредиентом и усилит их свойства.

Скальпелем аккуратно отрезал кусочек похожего на уголь Carbo Ignis Sacri. Хотя это и был уголь. Зола одного полумагического растения. Она поглощает вредоносную магию. А унция этого уголька стоит больше семидесяти тысяч рублей.

Опустил кусочек золы размером с ноготь большого пальца в узкое горлышко колбы. Он зашипел и запузырился, подпрыгивая на поверхности зелья. От него отлетали мелкие крошки и тоже с шипением опускались в зелье. Заткнул колбу пробкой, чтобы драгоценный дым не покинул емкость.

Пока шла реакция, я занялся вязанием узла. Моргнул и мир подернулся желтой дымкой, в которой очертились тонкие, сухие Нити. Мертвые, как и всегда. Но магические ингредиенты притянули нужные поближе к зелью, и я принялся вязать.

Эту петельку сюда, здесь пропустить внутрь, поддеть, обойти против часовой стрелки... Капельку магии и замкнуть узел сам на себя. Готово! Зелье серо-зеленого цвета еще дымилось внутри, но пробка не давала дыму уходить. Узел слабо сиял магией.

Только... Что это теплое по подбородку бежит?

Коснулся дрожащими от напряжения пальцами и посмотрел на них, уже зная, что увижу. Кровь.

Так и думал. Мой организм еще недостаточно окреп, чтобы на полную силу пользоваться даром алхимика. Едва-едва справляется.

Ладно. Фигня. Я уже закончил. Да и кровь, кажется, почти остановилась. Одну ночь поболит голова и пройдет.

Эх, а когда-то за день мог сотню таких зелий создать и не надорваться. А сейчас... это предел моих возможностей.

Тело охватила слабость, но усилием воли я заставил себя подняться и дойти до комнаты Романа. Почти упал рядом с ним, но зубами вытащил пробку из колбы и влил ему зелье между зубов. Горькое и вонючее оно заставило Романа кашлять и плевать, но большую часть он все же проглотил.

Через несколько секунд парень широко распахнул глаза и заорал:

— А-а-а! Жжется! Жжется! М-м-мг-м-м!

Он нечленораздельно замычал, зажав раздувшийся рот рукой, и побежал в туалет. Чуть не выбил дверь по дороге.

— Да кто ты, черт возьми, такой, Максим Исаев? — изумленно спросила Морвина, о которой я совсем позабыл.

На грязной после ремонта одежде краснели капли крови. Несколько из них упали на атманит.

Из туалета донесся красноречивый рев раненого зверя. Я привалился спиной к теплой батарее и с облегчением рассмеялся.

Спустя несколько минут вернулся бледный Роман и тихо сказал:

— Это что было, а? Первый раз какой-то зеленой полощет...

— Отравление... — слабо махнул баночкой таблеток друга. — Добавки надо тоже с умом пить. А конкретно эти лучше не пить вовсе.

— А я думал, опять шаурма у Шахзода...

С трудом поднялся на ноги, но силы с каждым шагом возвращались в тело. Надо их только делать.

Собрал рассыпанные таблетки Романа и под его возмущенные возгласы спустил в унитаз. Сходил до своей комнаты и приготовил еще одно крайне простое, но крайне эффективное зелье. Прямо очень.

— Вот, — сунул ему в руки склянку с мятно-зеленой жижей, похожей на сироп, — тебе для памяти. Потом спасибо скажешь. Но не пей все за раз. Растяни до самого экзамена.

— Зелье? — только спросил он, все еще горя о пилюлях.

— Ага, — загадочно улыбнулся ему.

Еще какое! Мигом вылечит его мнительность и паранойю, что экзамен завалит.

Следующий день пролетел за ремонтом. Роман выглядел значительно лучше, чем прошлым утром, и намного лучше, чем вчера вечером. Посвежевший и порозовевший, он как будто даже с большим рвением отдался учебе. А я весь день провозился, покрывая лаком пол в новой квартире.

Паркет после обработки морилкой приобрел благородный цвет черного дерева. Смотрелось изумительно, аж душа радовалась. Сверху лег еще слой лака, от работы с которым к концу дня уже заболела голова и засвербело в носу.

Почему именно лак? Да все просто. Здесь будет алхимическая лаборатория в одной из комнат. Так что нужно устойчивое покрытие. Конечно, от кислоты не спасет, но от всяких царапин и случайно пролитых красителей убережет.

К вечеру от усталости просто валялся с ног. Поэтому спать лег пораньше, к тому же завтра снова рабочая неделя. А помимо работы дел по горло. Когда лак застынет, нужно будет клеить обои, начинать покупать новую мебель и переносить старую. Неплохо бы проверить еще пару мест за городом, которые отметил на карте как любопытные. На работе Бойлеров наверняка подкинет новых задач. В общем, каждая минута на счету.

Жаль, но ночью мне поспать не дали. Опять...

— Исаев! Исаев! — прорвался сквозь сон женский голос. — Да проснись ты, дундук глухонемой!

— Что?.. — простонал я. — В чем дело?

— А ты послушай!

Продрав спросонья глаза, сел на кровати и прислушался. За окном шумели редкие машины, голая ветка скребла стекло, тикали часы в зале, из комнаты Романа доносился его могучий храп. Вроде все как обычно...

Только хотел дать Морвине, лежавшей на столе, словесного пенделя за то, что разбудила меня, как услышал грохот.

Несколькими этажами выше кто-то очень настойчиво ломился в чью-то дверь. Интуиция подсказывала, что в дверь нашей новой квартиры.

— Сдается мне, это не почтальоны почту принесли... — хмыкнула атманит.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.